

Судьба – волшебница

Татьяна ПОЛЯКОВА

авантурный детектив

«И жизнь, и слезы, и любовь... Ни один роман Татьяны Поляковой не обходится без этих трех составляющих. Именно на них писательница умело нанизывает неожиданные сюжетные повороты, невероятные приключения, изящный юмор, душевные переживания и, разумеется, страстные любовные отношения. Но, главное, что после прочтения книг Поляковой остается долго не проходящее чувство позитива».

Еженедельник «Собеседник»

Annotation

Старая любовь не ржавеет... Так говорят... Я вернулась в родной город, откуда убежала сто лет назад в надежде забыть любовную драму. Друзья детства Ирка и Егор просили помочь в одном важном деле. Оказывается, подружка сперла деньги у шефа, а теперь решила их вернуть. Не каждому ведь доверишь миллионы и не каждому признаешься, что их украла. Сама Ирка не горела желанием встречаться с бывшим шефом. Поэтому с миллионами к Кудрявцеву отправляют меня. Вскоре после того, как я отдала сумку с деньгами, его убили. Выходит, подруга меня подставила?! И что мне теперь делать? Идти в полицию и поведать Иркину сказочку? Да меня первую заподозрят в преступлении! В такой истории без адвоката не обойтись. И он не преминул появиться! Марк Левандовский оказался воплощением женских грез о благородном и сильном. А во мне борются две страсти: моя первая любовь и новое чувство...

Татьяна Полякова

Судьба-волшебница

© Полякова Т. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моим внукам Семену и Зое

На перроне меня никто не ждал. Еще минуту назад я весьма красочно представляла встречу старых друзей, объятия, радостные вопли, похлопывание по плечу и прочее в том же духе, а теперь стояла сиротливо, оглядываясь и пытаюсь увидеть в толпе знакомые лица. Народ, вдоволь наобнимавшись, тянулся к зданию вокзала, а я продолжала стоять. «Опаздывают, — подумала с некоторой обидой. — Или вовсе перепутали, когда и каким поездом приезжаю. Чего взять с безголовиков?»

Перрон быстро опустел, ждать дальше не было никакого смысла. Подхватив чемодан, я побрела к зданию вокзала, на ходу набирая Иркин номер. Телефон выключен, сообщил женский голос. Очень мило. Забыть, когда я приезжаю, да еще и мобильный отключить... С телефоном Егора та же история. Черт бы побрал моих дорогих друзей. Отличное начало отпуска. Впрочем, сама виновата. Надо было послать их подальше и лететь на Кубу, как и планировала.

Между тем я вышла на привокзальную площадь, все еще продолжая оглядываться в тщетной надежде, что Ирка с Егором появятся или вдруг раздастся звонок и кто-то из них сообщит, куда их унесли черти, а главное, что теперь делать мне? Это, кстати, самый насущный вопрос. Если честно, меня так и подмывало вернуться на вокзал и купить билет в обратном направлении. Спасу свой отпуск. Но, по неведомой причине, я все еще брела по площади к стоянке такси. «Надо выяснить, почему они меня не встретили», — решила я. А кто мешает узнать это по телефону, находясь на той же Кубе? Когда-нибудь безголовики объявятся и все объяснят. Вполне разумно. Может, действительно сразу уехать?

От этого города я не ждала ничего хорошего. Само собой, город здесь ни при чем, просто с ним связаны весьма неприятные воспоминания, которые я намеревалась забыть. И поспешила сюда на всех парах... Где логика?

Окажись на стоянке толпа жаждущих уехать граждан, здравый смысл, возможно, победил бы. Но к тому моменту, когда я и мой чемодан туда добрались, в данной части вокзальной площади не было ни души, зато стоял ярко-желтый автомобиль с шашечками, передняя дверь гостеприимно распахнута.

— Свободны? — спросила я упитанного дядю за рулем, все еще играя с судьбой.

— Конечно, красавица, — улыбнулся он, вышел, запихнул мой чемодан в багажник, отрезая пути к отступлению. — Куда едем?

Я села на заднее сиденье, вздохнула и назвала адрес.

— Из отпуска вернулись? — спросил словоохотливый водитель.

— В отпуск.

— К родным?

— Вроде того. Как у вас тут жизнь? Не жалуется?

— Хоть жалуйся, хоть нет... идет жизнь. У всех по-разному. Давно у нас не были?

— Давно.

Я уставилась в окно, разглядывая проплывающие мимо дома.

— Пробки замучили, — продолжил мужчина. — Просто беда.

— Понятно.

Я попыталась вспомнить, куда сунула ключи от квартиры. В сумку? В карман чемодана? Остановиться я планировала у Ирки, наболтаться вволю... У себя светиться не хотелось. Но придется. Ладно. Скорее всего, на мой приезд попросту не обратят внимания. Я тут же задалась вопросом: хорошо это или плохо? То есть нравится мне это или нет?

Несколько лет назад я спешно покидала этот город как раз для того, чтобы избавить себя от подобных вопросов. И жила вполне счастливо. Но стоило здесь оказаться... Из-за поворота возник мой дом, пятиэтажная «сталинка» с лепниной в виде колосьев пшеницы и пятиконечной звездой под крышей. Сколько себя помню, дом красили в блекло-желтый цвет, теперь он был ядовито-розовым, ограждение балконов тоже поменяли. Вместо гипсовых балясин черная ковка с золотом. Жизнь не стоит на месте.

— Какой подъезд? — спросил водитель, въезжая во двор.

— Второй.

Я расплатилась, он достал мой чемодан, и я направилась к подъезду, гадая, как в него войти. Ключи от квартиры у меня есть, а вот домофон успели сменить, о чем тетушка меня предупредила. Ее комплект ключей сейчас у риелтора, но я даже толком не знаю, где находится эта чертова контора. В любом случае тащиться туда с чемоданом я не намерена. Кому из соседей лучше позвонить? Стасе? Или Маринке с четвертого этажа?

Пока я гадала над этим, дверь распахнулась, и Стася предстала передо мной в неизменной шляпке с розами и перчатках в сеточку. Выглядела она в точности так, как в последнюю нашу встречу. Все то же сморщенное личико с ярко-синими тенями на верхнем веке и красной помадой на губах.

«Сколько же ей лет?» — некстати подумала я, по-дурацки улыбаясь. Нам всегда казалось — лет сто. Спрашивать из нас никто не рискнул: как истинная женщина, Стася подобное любопытство не приветствовала.

Она окинула меня хмурым взглядом, а я продолжала улыбаться и, заподозрив, что ответной улыбки не дождусь, сказала весело:

— Здравствуйте.

То ли старушке изменяет память, то ли это я так изменилась, что меня не узнать? Стася нахмурилась еще больше, после чего схватилась за сердце:

— Зоська? Матка боска, ченстоховска, ты?

Вообще-то, я Софья, но с легкой руки Стаси, обладательницы диковинного имени Станислава-Августа и польских кровей, меня в родном дворе иначе никто не звал. Чтоб вы знали, Зося — это Софья по-польски, если верить Стасе, конечно. Сама я информацию проверить так и не удосужилась. Та же Стася утверждала, что польской крови и во мне с избытком. Ничего не имею против, но папа к утверждению соседки всегда относился с сомнением.

— Откуда тебя леший принес? — задала вопрос Стася и, притянув мою голову, запечатлела на лбу поцелуй. Я едва удержалась от искушения проверить, не остался ли след

от помады, раскрыла объятия и прижала к груди тщедушное тельце соседки.

На вопрос я так и не ответила, зато задала свой.

— Как здоровье Юджина Казимировича? — Это, кстати, бабкин кот, жутко вредное существо породы британский голубой. Он успешно заменял и мужа, и детей, каковых у Станиславы никогда не было.

— Слава богу, — ответила бабка. — У нас с ним уговор: сдохнем в один день. Куда он без меня, а я без него?

— Надеюсь, до этого еще очень далеко.

— И я надеюсь. Да что толку. Коты в среднем живут лет десять, мой-то гораздо старше. Да и я, знаешь ли, не молодею. Ты из-за квартиры приехала или как? Ладно, мне в аптеку надо. Заходи, все расскажешь, я шарлотку испеку.

И, гордо вскинув голову, она пошла дальше, открыв мне дверь и пообещав дать запасной магнитный ключ.

Я поднялась на третий этаж, радуясь, что вещей захватила не так много. Постояв перед дверью в квартиру, точно собираясь с силами, я наконец вошла. Тетка, на которую спихнули заботы о жилище, предупреждала, что сделала ремонт. Последние несколько лет здесь обретались чужие люди (квартиру сдавали), может, поэтому возникло ощущение, что я в номере отеля. Часть мебели после ремонта отправили на свалку, появилось такое новшество, как гардеробная, кухню расширили, комнаты казались светлее, просторнее. В общем, мало что напоминало тут о моей прежней жизни. Может, и хорошо.

Прогулявшись по комнатам и открыв окна (в квартире было душновато), я вновь позвонила своим друзьям. Телефоны по-прежнему отключены. Это даже интригует. Прячутся они от меня, что ли? А зачем было в гости звать?

Ирка позвонила неделю назад. В отличие от прочих друзей и знакомых в этом городе, она прекрасно знала, что я отправилась отсюда не к маме в Америку, как надлежало думать всем остальным, а к отцу в Петербург. Родители у меня в разводе уж лет двадцать. Десять лет назад у мамы случилась командировка в США, почти на полгода. За это время она успела встретить мужчину своей мечты и выйти за него замуж. В общем, сюда больше не вернулась, оставив меня на попечение тетки, своей родной сестры. К счастью для меня, попечение было совсем не обременительным, мы уживались вполне мирно, стараясь как можно реже попадаться друг другу на глаза. С отцом в то время связи я почти не поддерживала, не считая редких звонков и подарков ко дню рождения. Но, спешно покидая этот город, отправилась к нему, а не к маме. Америка вовсе не казалась мне привлекательной, да и мама не особо звала: отчим, по ее словам, любил меня как родную, но, надо думать, предпочитал делать это на расстоянии. А вот папа настоял, чтобы я жила с ним. Под его неусыпным контролем я закончила институт и теперь являюсь одним из ведущих специалистов в его фирме.

В общем, все у меня отлично. Квартиру здесь так и не продали, потому что руки не доходили или потому что я не хотела сюда приезжать. А может, наоборот, надеялась, что однажды вернусь? Ну, вот я вернулась, и пока в этом нет ничего хорошего. Тетка, кстати, год назад отбыла к мамуле, вероятно, в поисках своего женского счастья. Недавно квартиранты съехали, и заниматься квартирой теперь предстояло мне. То ли сдать, то ли продать. Данное обстоятельство тоже сыграло свою роль в моем решении приехать.

Распаковав чемоданы и определив на место зубную щетку и косметичку, я налила воды в ванну и погрузилась в сладкую дрему, нежась в душистой пене и держа мобильный под рукой.

Итак, неделю назад позвонила Ирка. В последнее время мы перезванивались все реже. Как-то так складывалось. Летом она собиралась меня навестить, я дважды по этому случаю переносила отпуск, но подругу не дождалась. Звонок раздался в половине первого ночи, но это нисколько не удивило: Ирка и в четыре утра могла позвонить. Голос ее звучал весело, я даже решила, что она слегка не рассчитала с выпивкой.

— Зоська, дело есть. Большое-пребольшое. Приезжай, а?

— Ага. Уже мчусь.

— Не, я серьезно. Поговорить надо. Обсудить важное. Не по телефону.

— Ну и что мешает? Ты еще в июне хотела приехать. У меня отпуск. На Кубу хочу.

— Супер. Куба-либра, Че Гевара и мохито. А может, все-таки к нам? Если честно, ты мне позарез нужна. Мне и Горе.

— Случилось что-нибудь? — насторожилась я.

— Пока нет. Просто помощь нужна. Позарез. Приезжай, а?

— Какого хрена ты меня пугаешь? — разозлилась я. — Говори, в чем дело? Куда ты вляпалась?

— Нет, нет, нет, — зачастила Ирка. — Ничего подобного. Нужен толковый совет и все такое... разобраться здесь на месте. Не могу я об этом по телефону. Мне надо, чтобы ты напротив сидела, чтоб я твои глаза видела.

— С глазами явный перебор. Ты, дубина стоеросовая, так меня запугала, что хоть сейчас к тебе срывайся.

— Сейчас не нужно. Давай через недельку. У меня как раз тут все прояснится. И ты не спеша соберешься. Ладушки? А, Зоська?

— Ладушки, — буркнула я, и на этом разговор, собственно, и закончился.

Чуть ли не мурлыча от удовольствия в теплой воде, я беззлобно подумала: это какой же душой надо быть, чтобы после подобного разговора загубить свой отпуск, сорвавшись сюда. В Иркином голосе особой тревоги не было. Два дня назад она вновь позвонила, и я сообщила, что билет куплен, и назвала время, в которое меня следует встретить. Ирка заверила, что встретят. Имея в виду себя и Горе. Горе — это Егор Стычкин, поначалу его звали Гора, ну а потом одну букву сменила другая, так как с ним вечно что-то случалось. Ирка была Чумой, так как носила фамилию Чумакова. Я, как вам уже известно, Зоська. Соседка тетя Маша прозвала нас безголовиками: с ее точки зрения, мы отличались от нормальных детей. Наверное, она права. Росли мы в одном дворе, ходили в один детский сад и дружили с пеленок, а наши приключения вызывали у взрослых недоумение, плавно переходящее в убежденность, что тетя Маша — провидица и с нами что-то не так.

Мое первое отчетливое воспоминание. Мы гуляем в парке, нам по три года, счастливые мамы сидят на скамейке и трещат, точно сороки, а мы бегаем за мячиком. Мячик приглянулся не только нам, но и собаке, совершавшей здесь свой обычный моцион. Хоть я и была очевидцем, но объяснить, как все произошло, не берусь. Помню истошный крик Егора и общую суету. Пес в борьбе за мяч откусил у Горы мизинец. Хозяйка пса и мамаша пострадавшего наперегонки хлопаются в обморок. Кто-то бежит за собакой, предусмотрительно покинувшей место происшествия, кто-то звонит в «Скорую», и все дружно кричат: «Ищите палец, его пришьют!» Палец в конце концов нашли, но так и не пришили. Что-то не задалось. Остался наш Горе без мизинца. Собственно, после этого случая прозвище за ним и закрепилось. В парк мы больше не ходили, он вызывал неприятные ассоциации, хотя этот случай взрослые вспоминали довольно часто; мамаша Горы в сердцах

не раз говорила: «Где вас носит? Дошлаешься, придурок, опять что-нибудь откусят». Гора покаянно вздыхал, но при случае хвастал отсутствием мизинца перед ребятами из соседнего двора и красочно рассказывал историю его потери. Никто толком не помнит, что за собака лишила его конечности, то ли французский бульдог, то ли мопс, то ли просто дворняга. Думаю, челюстями он кляцнул не подумав, без намерения нанести увечья. Но в рассказе Горы неизменно присутствовал доберман, с которым была жуткая битва. Само собой, доберман сдох от разрыва сердца, поняв, что битву проиграл. Боюсь, что реальную собачку усыпили, хотя, может, и обошлось. Вряд ли мамаше Егора пришлось в голову подавать на хозяйку собаки в суд. У нее была чересчур насыщенная личная жизнь. Впрочем, может, кто-то и надоумил, но я последствий этой драмы совершенно не помню, если не считать смены одной буквы в привычном имени Горы. Потом было множество всяких происшествий, но, к счастью, обошлось без членовредительства. Прозвище, данное нам соседкой, мгновенно прижилось, и собственные родители, выходя во двор, спрашивали соседей:

— Безголовиков не видели?

Долгое время мы, по наивности, считали, это нечто ласковое, вроде «заек» и «рыбок», и стали сами так себя называть. А к тому моменту, когда правда выплыла наружу, настолько привыкли к коллективному прозвищу, что не пожелали с ним расстаться, даже если б могли.

В школе наша дружба лишь укрепилась, мы оказались в разных классах, но на переменках сбивались в стайку, держась особняком от остальной детворы. Не знаю, что нас объединяло с самого начала. Просто случайность и последующая привычка? Общая тяга к раздолбайству, ловко маскирующаяся под любовь к приключениям? Или тот факт, что все мы безотцовщина? У других были отцы, у нас не было. Мой отбыл последним, и я смутно помнила те времена, когда он жил с нами. Опять же, отец иногда появлялся, вызывая острую зависть у остальной компании. Родительницы Горы и Ирки были матерями-одиночками. Если Ирка кое-что знала о своем отце («козел твой папа Витя, чтоб ему пусто было»), то на отцовство Горы, по мнению соседей, могли претендовать десятка два мужиков в нашем районе. Правда, претендовать никто не торопился. Во втором классе возле школы нас встретила местная шпана, взяли в кольцо и принялись задирать Гору, называя его мать шлюхой. Детьми мы были развитыми и прекрасно понимали, что значит это слово. В тот день мы впервые дрались по-настоящему, до крови, чем повергли задир в настоящий шок, никто из них не ожидал, что мы не только дадим отпор, но станем драться с таким остервенением. Особенно отличилась Чума, умудрившись сломать нос одному из задир. Он был на целых два года старше и считался грозой среди малышни. Кличка Чума после этого случая намертво закрепилась за Иркой, а то, что мы форменные шизики, теперь ни у кого не вызывало сомнений.

До окончания девятилетки нам пришлось драться еще с десяток раз, по поводам самым разным, и мы неизменно подтверждали, что так нас прозвали не зря. После окончания девятого класса Чума отправилась в колледж, а Гора пошел работать; ко всему прочему, мои друзья переехали на новое место жительства. Иркина мать наконец-то вышла замуж, у избранника была своя жилплощадь, две квартиры обменяли на трешку в новом районе. Мать Горы к тому моменту, успев стать многодетной матерью, наконец-то выбралась из коммуналки. Но дружба наша не расстроилась, наоборот, крепчала день ото дня...

Тут зазвонил мобильный, и я поспешила ответить в надежде, что друзья детства наконец-то объявились. Звонил папа с вопросом, как я добралась и устроилась. За первым звонком последовал второй, на сей раз от риелтора. Ольга Владимировна интересовалась,

прибыла ли я в город, и предложила встретиться.

Быстро приняв душ, я прошла в кухню, проверила шкафы в надежде, что где-то завалился пакетик чая, а лучше бы кофе. Шкафы были пусты и тщательно вымыты. Деньги за генеральную уборку я платила не зря.

Я решила заглянуть к Стасе, ее квартира напротив. Но соседка, судя по всему, еще не вернулась, дверь мне не открыли. За то время, что я была в ванной, пошел дождь. Пейзаж за окном теперь вызывал уныние. Сентябрь — не лучшее время для отдыха в России: зарядят дожди, и поездка обернется вынужденным лежанием на диване. Впрочем, кто сказал, что это плохо? Продам квартиру и как следует выплюсь. Просто интересно, куда это Ирка подевалась?

Решив не обращать внимания на дождь, я отправилась на поиски подруги по единственно известному мне адресу, тому самому, где проживала Ирка с матерью на момент моего отъезда. Зонт я предусмотрительно привезла с собой, будучи уже несколько лет питерским жителем, готовым к любым капризам погоды. Он не особо спасал, к этому моменту дождь перешел в настоящий ливень. Но возвращаться в квартиру мне не захотелось, добегу до ближайшего кафе и хотя бы выпью кофе.

С кафе все оказалось непросто, в обозримом пространстве их не было. Точно так же, как и такси.

Быстрым шагом я достигла троллейбусной остановки и, не особо рассчитывая на свою память, уточнила у водителя, как добраться до улицы Кржижановского. На этот раз мне повезло. Добраться можно без пересадок, если я готова немного пройти пешком от проспекта Ленина. Я была готова на все, успев промокнуть насквозь.

На восьмой остановке я вышла, дождь к тому моменту поутих. Переулком выбралась к дому, где когда-то жила подруга, очень сомневаясь, что застану ее здесь. Из разговоров с Иркой я поняла: с матерью она не только давно не живет, но и практически не общается. О том, где теперь обитает, подружка ни разу не упомянула, хотя у меня сложилось впечатление, что у нее есть своя квартира. Говорю: сложилось впечатление — потому что Ирка избегала этой темы. И на прямой вопрос «Ты квартиру купила?», ответила: «Типа того» — и поспешила закончить разговор.

Я вновь вздохнула, вспомнив о Кубе, где меня вряд ли увидят в ближайшие дни. Хотя... встречусь с риелтором и сбегу отсюда. Если, конечно, Ирка не появится сегодня. Даже если появится...

С Иркиной матерью я столкнулась во дворе. Оказалось, она работает дворником. Тетка в оранжевой жилетке стояла под козырьком подъезда, вопя во все горло. Объектом ее возмущения были мальчишки, катавшиеся на велосипеде, несмотря на дождь. Чем они тетке не угодили, я не поняла и ненадолго застыла с приоткрытым ртом, сообразив, кто передо мной. Никогда не думала, что люди способны так измениться за несколько лет. Я помнила ее разбитной бабенкой, с насмешливым взглядом и роскошными формами. Теперь она относилась к категории женщин, которую один мой приятель определял как 50 на 50, то есть возраст за пятьдесят и лишних пятьдесят килограммов веса. В оранжевом жилете с белой полоской, Полина Андреевна больше всего напоминала мячик.

— Что уставилась? — хмуро спросила она, без удовольствия меня разглядывая. — Не узнала, что ли?

— Здравствуйте, — ответила я и попыталась улыбнуться.

— Явилась не запылилась, значит? Что, в Америке скучно стало?

Я пожала плечами.

— Приехала квартиру продать.

— Хорошо, когда есть что продать. А здесь чего нарисовалась? По мне, что ль, соскучилась?

— Иру ищу.

— А-а... — она зло хмыкнула. — Ну, ищи, ищи.

— Она с вами живет?

— Еще чего. Я эту шалаву года два уж не видела. Как бабки появились, так она к матери ни ногой.

— Да? А откуда бабки? Работа высокооплачиваемая?

— Вот уж не знаю, каким она местом работает.

— А где живет, тоже не знаете?

— Не знаю. И не интересно. Найдешь, привет передай.

— Хорошо, передам. Как ваши дела? — зачем-то спросила я.

— Что, не видно? Хреновые мои дела. Мужики — сволочи, детки — настоящие ублюдки. Никому не нужна.

— Извините, — не зная, что на это ответить, пожала я плечами, кивнула на прощанье и поспешила покинуть двор.

На счастье, дождь кончился. Сложив ненужный теперь зонт, я вернулась на проспект, прикидывая, чем занять себя в ближайшие три часа до встречи с риелтором. Взгляд мой натолкнулся на вывеску нового торгового центра, занимавшего здание бывшего кинотеатра «Октябрьский», и я поспешила туда. Торговый центр порадовал размахом, магазинами с брендовой одеждой и кафе, которых было несколько. Я зашла в ближайшее, выпила кофе, а потом пообедала, лениво наблюдая за снующими за стеклом гражданами. Покупателей в этот день было немного.

Расплатившись, я покинула кафе, решив спуститься на нулевой этаж, где был супермаркет, купить кое-что из продуктов и на такси вернуться домой. Успела сделать пару шагов и тут услышала:

— Зоська!

Повернулась без всякой радости, уже узнав голос, и в нескольких метрах от себя увидела мужчину под ручку с блондинкой. Почему-то сначала я посмотрела на блондинку и лишь потом на парня, окликнувшего меня. Вот уж кому время пошло на пользу! Рост, само собой, остался прежним, и блондинка на каблуках была выше его на полголовы, а в остальном он выглядел весьма неплохо. Как говорится, деньги в кармане — еще не крылья, но походку меняют. Я некстати подумала, что теперь он очень похож на своего брата, по крайней мере, именно таким я того и помнила все эти годы: насмешливо улыбающимся, уверенным и красивым.

— Зоська! — он раскинул руки и засмеялся. — С ума сойти! Вот так встреча. Ты давно приехала?

Мы обнялись, я — без всякой охоты, при этом прекрасно сознавая, как глупо винить во всем Арни. Он-то всегда относился ко мне с большой симпатией... Я забыла сказать: на самом деле безголовиков было четверо. Еще одна безотцовщина в нашем дворе — Арнольдик Купченко. Правда, кое-что делало его особенным: у него был старший брат. Не то чтобы тот вмешивался в нашу жизнь, но он был, и мальчишки из соседнего двора держались от Арни на расстоянии. Редким именем он был обязан своей матери, плаксивой и нервной особе,

обожавшей американские фильмы. Она тяготела ко всему необычному, красила волосы в синий цвет, а ногти, опережая время, разноцветным лаком. Старшему сыну повезло — она назвала его Германом, а вот рождение Арни пришлось как раз на ту пору, когда ее кумиром стал Арнольд Шварценеггер. Я помнила плакаты, которыми были оклеены их прихожая и туалет в придачу: Шварценеггер-Конан, Шварценеггер-Терминатор. В общем, тетя Люба, должно быть, мечтала, что сын вырастет здоровяком, под стать Арни. И не угадала. В детстве младший Купченко был до того тощим, что назвать его именем Шварценеггера можно было разве что в насмешку. Он тут же получил прозвище Арни Дохлый, потом имя совсем потерялось, и иначе как Дохлым его никто не звал. Слава богу, до размеров Шварценеггера ему и сейчас было далеко, но качалкой Арни точно не пренебрегал. В общем, кличка Дохлый теперь была так же неуместна, как в далеком детстве имя, данное мамой.

— Классно выглядишь, — сказал он, оглядывая меня.

— Ты тоже.

— Надолго к нам?

— На пару дней. Решу вопрос с квартирой...

— Да, я слышал, что тетка тоже в Америку подалась. Как там?

— Нормально.

— Замуж не вышла? Впрочем, Ирка бы знала. Да?

— Непременно приглашу на свадьбу, — усмехнулась я. И кивнула на блондинку: — А ты?

— А у меня как раз скоро свадьба. Скажи, куда приглашение прислать?

— На прежний адрес. Только не затягивай. Ты нас познакомишь? — спросила я. Вполне могла обойтись и без знакомства, но решила, что этого требует элементарная вежливость.

— Да, конечно, — засуетился Арни и, ухватив блондинку за руку, потащил ко мне. — Это Наташа. Моя невеста. А это Зоська, мы дружили с горшков.

— Софья, — буркнула я, как-то разом охладев к своему прозвищу или все-таки имени, сразу и не поймешь. Наверное, к прозвищу — у всех безголовиков они были: Горе, Дохлый, Чума и Зоська. — Что ж, рада была увидеться, — произнесла я, отступая на шаг. — Кстати, ты не знаешь, где Ирка обретается? И Егор?

— Егор все больше по знакомым. У него дела не блестящие... едва не посадили. Ты слышала?

— Нет. Мы практически не общались.

— По-моему, он настолько слился со своим прозвищем, что дурные приключения к нему так и липнут. Давай встретимся, поболтаем, я тебе все расскажу.

— Хорошая идея, — без восторга отозвалась я. — А что Ирка?

— Чума, она и есть Чума. Вроде нашла богатого папика. Последний раз видел ее на «Лексусе» и в сногшибательном прикиде. Похоже, с Горой они до сих пор водят дружбу.

— Где она живет, ты знаешь?

— Где-то на Чайковского, точнее не скажу. Но могу узнать, если хочешь. Оставь свой мобильный, я позвоню... — Предложение сопровождалось широкой улыбкой, я тоже улыбнулась.

— Как раз собираюсь обзавестись симкой, — соврала я.

— Ах, ну да, — закивал он, достал из кармана визитку и протянул мне. — Обязательно позвони, как только решишь с телефоном. Надо встретиться... всем четверым... как прежде... полный комплект безголовиков. — Он засмеялся, блондинка взирала с

недоумением, а я поспешила проститься и выбросила визитку в ближайшую урну.

Меньше всего на свете я желала этой встречи, и надо же ей было случиться. В первый же день настроение безнадежно испорчено. Само собой, дело вовсе не в Дохлом. Дело в его брате. Теперь он тоже узнает о моем приезде. И что? Скорее всего, данное обстоятельство оставит его совершенно равнодушным. А если все-таки решит позвонить? Или, не дай бог, объявится? Первый вариант весьма болезненный для моей гордости, второй и третий... второй и третий могут быть еще болезненней. Мне казалось, от любви к Герману я давно избавилась, но теперь не была уж так в себе уверена. Черт, не стоило сюда приезжать.

Я вышла из торгового центра и, только удалившись на значительное расстояние, вспомнила, что собиралась зайти в супермаркет. Вновь чертыхнулась досадливо, но возвращаться не стала. Кофе можно купить где-нибудь по дороге.

Я подходила к троллейбусной остановке, когда зазвонил мобильный. На дисплее высветилось имя, и я вздохнула с облегчением. Ирка наконец-то объявилась.

— Привет, — сказала я. И услышала:

— Зоська, ты где?

— Болтаюсь по городу. Была у твоей матери.

— Да? Как мамуля? Обложила меня трехэтажным и тебя в придачу?

— Типа того.

— У нее сейчас тяжелые времена. Мужики смотрят в другую сторону. Видела, как мамуля раздобрела? Это от нервов. По крайней мере, она так считает. На работу устроилась. Для матушки любой труд — страшное наказание... В общем, зря ты к ней сунулась.

— Это я поняла. Надеялась узнать, где ты теперь живешь.

— Понятно, — вздохнула Ирка. — Извини, что не встретили. Обстоятельства.

— Какие?

— Скоро все узнаешь. Живу я на Чайковского, дом семь, квартира 13. Дуй ко мне. Ладушки?

— Ладушки, — буркнула я и махнула рукой, останавливая такси.

Седьмой дом оказался симпатичной новостройкой, раскрашенной в веселенькие цвета: желтый, красный и ярко-зеленый, что по замыслу должно компенсировать убогость архитектуры. Дом торчал, точно свечка, в компании себе подобных. Подъездная дверь открыта настежь. По дороге я зашла в магазин и купила торт безе, в детстве мы с Иркой его обожали. Собственно, торту я была обязана тем, что обратила внимание на машину, стоявшую рядом с подъездом. Черный «Ленд Крузер» с тонированными стеклами. Поначалу никакого интереса машина не вызвала, стоит себе и стоит. Я как раз с ней поравнялась, когда почувствовала, что веревка на торте вдруг ослабла. Узел отчего-то развязался, я перехватила торт другой рукой, держа коробку за донце, подняла голову и увидела, что сквозь стекло на меня смотрит мужчина. Нас разделяли каких-нибудь сантиметров тридцать. Отчего-то это напугало. Может, взгляд чересчур пристальный, а может, дело в том, что до того мгновения я была уверена: в машине никого нет.

Мужчина продолжал сверлить меня взглядом. Должно быть, моя возня с тортом вблизи его драгоценной машины ему пришлась не по вкусу. За спиной водителя сидел еще один мужчина и тоже смотрел на меня. Внимательно. Прижав торт к груди, я лучезарно улыбнулась и даже кивнула, но ответной улыбки не дождалась. Странные типы. Ждут кого-то?

Я поспешила войти в подъезд, выругалась сквозь зубы, прочитав табличку на лифте «Не

работает», и направилась по лестнице, пытаясь сообразить, на каком этаже тринадцатая квартира. Оказалось, на четвертом. Можно сказать, повезло. Железная дверь была заклеена прозрачной пленкой, только вокруг глазка чуть надорванной. Похоже, Ирка сюда заселилась недавно. Может, даже еще ремонт не закончила.

Я нажала кнопку звонка, держа торт перед грудью, прикидывая, что сделаю сначала: обниму подругу или назову свиньей, могла бы раньше позвонить, если уж не встретила...

За дверью послышались осторожные шаги. Кто-то, вне всякого сомнения, рассматривал меня в глазок.

— Открывай! — крикнула я. — Я что, изменилась до неузнаваемости?

Тишина. Нет, это уже слишком. Она что, в самом деле меня не узнала? Даже по голосу?

— Ирка, — позвала я. — Кончай душить. Открывай.

Лязгнул замок, дверь медленно открылась. На меня с неодобрением взирал дюжий дядя со шрамом на лбу, который тщетно пытался прикрыть длинной челкой. Волос на голове у него было маловато, челка вышла жиденькой. Зато взгляд колючий, а кулачищи как кувалды. Это что ж, Иркин папик? Больше на бандита похож.

— Здравствуйте, — сказала я. — Ира дома?

Меня бесцеремонно втоптали в квартиру. Дверь за спиной захлопнулась. Торт в руках я едва удержала и не придумала ничего лучше, как сунуть его мужику со шрамом. Он машинально его принял и, хмуро оглядевшись, поставил на консоль. Я тоже огляделась. В дверях, ведущих в кухню, стоял еще один тип, рожа у него оказалась поприятней, но тоже не порадовала.

— Ира дома? — повторила я, уже заподозрив, что явилась сюда совсем некстати, и гадая, здесь Ирка или нет.

— Ты кто? — спросил тот, что со шрамом.

— Я? Подруга, — пожалала плечами. — А вы кто?

— Друзья, — хмыкнул он. — Вот, зашли навестить, а Ирки дома нет. Не знаешь, где она?

— Нет, — покачала я головой, демонстрируя задумчивость и стараясь выглядеть максимально убедительной. — Я думала, она здесь... дома.

— Почему ты так думала?

Второй тип молча наблюдал за нами, сложив руки на груди.

— Ну... Она знала, что я приеду. Мы собирались встретиться. Я вещи побросала и сразу к ней... — переводя взгляд с одного на другого, сказала я.

— Значит, ты ее подруга? — попытался улыбнуться мужчина. — Как зовут?

— Софья.

— Не слышал от нее о такой подруге.

— Вообще-то, я давно здесь не живу. С Ирой мы в одном дворе росли и...

— Ты Софья Новак, та, что в Америку уехала? — вдруг спросил до того молчавший тип.

— Да, Софья Новак, — кивнула я, вопрос с Америкой решив не освещать. Пусть думают, что им угодно. Откуда эти типы обо мне знают? Как-то не очень они похожи на Иркиных друзей. Но если не она им обо мне рассказала, то кто? — Ирка дома или нет? — не выдержала я.

— Нет. А нам до зарезу надо встретиться. Чем раньше, тем лучше. Не знаешь, где она может быть?

— Вы шутите? — нахмурилась я, хотя догадывалась, что никто тут шутить не собирался. — Я пару часов как приехала.

— Но ведь вы переэзванивались?

— Ну да...

— Так и сейчас позвони, — предложил здоровяк. — Может, она где-то рядышком.

Я весьма неохотно набрала номер, гадая, что буду делать, если Ирка ответит. Ясное дело, появляться здесь ей ни в коем случае нельзя. Чума не ответила, на счастье или на мою беду, я затруднялась сказать. Понятно, что предполагаемые дружки на этом не успокоятся и общение с ними ничего хорошего мне не сулит.

— Мобильный отключен, — с намеком на печаль, сказала я, протягивая свой телефон мужчине. Но он его не взял: должно быть, находясь рядом, слышал и гудки, и стандартную фразу «телефон выключен».

— Не повезло, — кивнул он. А я забеспокоилась еще больше, решив, что в виду он имеет мое невезение, и сказала:

— Весь день ей звоню...

— Выходит, прячется от тебя подруга, — хмыкнул он.

— Похоже, не только от меня, — не сдержалась я.

Он усмехнулся и на меня уставился, точно прикидывая, что теперь со мной делать. Взглянул на второго типа. Тот прошел в кухню и кому-то позвонил, я слышала его голос, но слов, к сожалению, не разобрала. Через минуту он вернулся, после чего эти двое малость пошептались. Происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Мысленно я успела пожелать провалиться к чертям собачьим и неизвестной парочке, и Чуме в придачу, за то что благодаря ей угодила в эту неприятную историю. В общем, я ожидала всего самого худшего, хоть и затруднялась сказать, чего именно. Не убьют же меня, в самом деле? А если не поверят, что я знать не знаю, где Ирка, и устроят допрос с пристрастием? При мысли об этом я почувствовала дурноту, доподлинно зная, что в отважные подпольщицы не гожусь.

— Иди, — вдруг сказал тип со шрамом.

— Куда? — брякнула я, теряясь в догадках и не веря, что меня вот так запросто отпустят.

— Куда хочешь, — фыркнул он. — Или желаешь здесь остаться?

— Нет, спасибо. Чего мне тут делать, если подруги нет.

Я попятилась к двери, мужчина взял меня за локоть, а я едва не заорала, заподозрив, что отпустить меня передумали. Я тарасилась на него во все глаза, а он сказал:

— Торт... — И кивнул на коробку, стоявшую на консоли.

Я сгребла ее, прижала к груди и на негнущихся ногах покинула квартиру, после чего бегом спустилась по лестнице и выскочила на улицу.

Здесь я почувствовала себя куда лучше, а главное, увереннее. На смену недавнему страху пришла злость, в основном на типов, окопавшихся в Иркиной квартире. А досталось тарту. Я швырнула его в урну и довольно громко выругалась.

Вот тут и выяснилось, что мои приключения на этом не закончились. Из машины, на которую я обратила внимание по дороге сюда и которая так и продолжала стоять возле подъезда, появился мужчина. Костюм в клетку с замшевыми налокотниками и очки в роговой оправе. Из-за костюма в духе английских профессоров и этих самых очков он выглядел дядей в возрасте, хотя на самом деле был молодой мужчина, лет тридцати — тридцати двух, не более. О вкусах, как известно, не спорят, к тому же в тот момент его вкусы меня интересовали меньше всего, потому что стало ясно: этот тоже по мою душу.

Он улыбнулся тонкими губами, бледными и оттого едва заметными на лице, улыбка вышла кривой и фальшивой, а он спросил:

— Софья Сергеевна?

— Ну, — буркнула я, стараясь держаться от него подальше.

— Садитесь в машину, — предложил он, вполне, кстати, доброжелательно, а я разозлилась еще больше: хватит с меня приключений на один день. — Садитесь, — повторил он, придерживая дверь.

— Ага, — ответила я с усмешкой. — А потрахаться по-быстрому не надо?

— Что за выражение? — попенял он.

— Я думала, вы уже взрослый дяденька и о жизни кое-что знаете.

— Не хотите — не надо, — кивнул он и захлопнул дверь. — У меня к вам просьба. Передайте подруге, что своим поведением она вынуждает нас... Короче, если она не перестанет валять дурака, будет иметь дело с полицией. И очень быстро окажется в колонии, где, по моему мнению, ей самое место. Вы все поняли?

— Нет. Но все передам.

Тут из подъезда появилась парочка недавних знакомцев, и я сочла за благо спешно покинуть двор, бормоча сквозь зубы:

— Твою мать...

Добравшись до троллейбусной остановки, я плюхнулась на скамейку немного отдышаться и как следует осмотреться. Здравый смысл подсказывал: вполне возможно, за мной следят. Ничего подозрительного я не заметила, но это мало что значит. Я же не Штирлиц.

Достав мобильный, я набрала Ирку и очень удивилась, когда она ответила.

— Ты где? — рывкнула я, не особо сдерживаясь.

— А ты?

— На остановке возле твоего дома.

— Ты туда или оттуда?

— Оттуда. Тебе привет от дяди в очках.

— Чтоб ему, — пробормотала Ирка. И поинтересовалась: — Тебя там не помяли?

— Обошлось. Коза ты, Чумакова. Могла бы предупредить.

— Да я не думала, что они возле дома пастись будут. Точнее, думала, но была уверена: тебя не тронут.

— Мило. Хочешь новость? Они ждали в твоей квартире.

— Че, серьезно? Распоясались, партизаны хреновы.

— Почему партизаны? — насторожилась я, гадая, куда на этот раз вляпалась Ирка.

— Да это я так...

— Ты знаешь этих типов?

— Отчасти.

— Кто они?

— Лучше не спрашивай. В смысле не по телефону. Короче, топай домой, а я пока подумаю, как нам встретиться, чтоб ты за собой хвост не привела.

— Тебе надо сменить имя.

— Думаешь, пора в подполье?

— Думаю, Мата Хари подойдет больше, чем Чума. Хотя... Эй, надеюсь, ты далеко от своего дома?

— Само собой.

— Так это была проверка?

— Зоська, ты жуткая зануда. Потерпи, встретимся, и все расскажу. И не бойся. Никто тебя не тронет. Кишка тонка. У меня на них компромата два чемодана.

— Они полицией грозились.

Она весело хихикнула:

— Ага, они в полицию, а я в прокуратуру. Пободаемся. Только кому это нужно. Ладно, люблю, целую, жди звонка.

Убрав мобильный в сумку, я еще немного посидела, оглядываясь. После разговора с подругой на душе полегчало. В основном потому, что голос ее звучал уверенно, без намека на страх. Впрочем, Чума всегда отличалась прямо-таки фантастическим бесстрашием. Вот уж кому прямая дорога в отважные подпольщики.

Подошел троллейбус. Я устроилась на задней площадке и всю дорогу высматривала тачку очкарика в потоке машин. Кстати, выглядел очкарик вполне интеллигентно, офисным мальчиком, прибавлявшим себе годы для солидности дурацким прикидом и очками. Я попыталась вспомнить, что Ирка рассказывала о своей жизни в последнее время. Ничего особенного. Откуда же эти дяди? Придется потерпеть: надеюсь, мы встретимся, и я смогу удовлетворить свое любопытство.

Не успела я войти в квартиру, как в дверь позвонили. Открывать в свете последних событий я не спешила, заглянула в глазок и увидела Стасю.

— Зоська! — позвала она. Я распахнула дверь, а она сказала: — Идем ко мне шарлотку есть, пока горячая.

Заперев дверь, я отправилась к ней. В кухне был накрыт стол, застеленный вязаной скатертью. По бокам шли розы с кистями, дымчато-розовые на белом фоне. Стася утверждала: это ее приданое. В центре стола на круглом блюде красовалась шарлотка. Я оглядела кухню, навевавшую воспоминания, и погладила рукой скатерть:

— Красиво.

— Помру — тебе достанется.

— Спасибо. Только не торопитесь.

— Дура я, что ли? Даст бог, еще поживу. — Она сходила в прихожую и вернулась с магнитным ключом от двери подъезда. — Возьми сразу, а то забуду за болтовней. Свою квартиру я тебе отписала.

— С ума сошли? — нахмурилась я.

— А кому? Обещай, что похоронишь как положено. С ксендзом...

— Где я вам ксендза возьму?

— Уж расстарайся. Халупа моя теперь больших денег стоит. Место на кладбище я уже купила. Все бумаги в секретере. Но чтоб обязательно с ксендзом.

— Дался он вам. Вы ж в Бога не верите.

— Это тебе кто сказал? В общем, верю не верю, а чтоб был. Давай рассказывай, как живешь.

— До сегодняшнего дня жила прекрасно.

— А сегодня что не так?

Я вздохнула и рассказала о звонке Ирки и недавнем приключении.

— Пся крев! — выругалась Стася и с задумчивым видом почесала затылок. — А что ты хочешь? — пожала она плечами. — Чума и есть Чума.

— Кто спорит. Но на сей раз, по-моему, все серьезно.

— Она ко мне забежала месяц назад. Одета, как принцесса, и в ушах бриллианты с мой кулак. Еще тогда подумала: добром не кончится.

— Вы б не каркали.

— А тут хоть каркай, хоть нет... Горе чуть в тюрьму не сел.

— За что? — нахмурилась я.

— Кто ж знает. Ирка говорит, менты к нему нарочно цепляются. Может, и так.

— Конечно, — фыркнула я. — К вам они цепляются? Нет? И ко мне нет.

— Ну, не зря ему прозвище дали. Кого еще в детстве собаки кусали? С крыши соседского сарая прыгали все, а в погреб провалился он один. И мотоцикл взорвался, помнишь?

— Помню. Потому что этот дурак с зажженной спичкой к бензобаку сунулся.

— А я про что? Одно слово — Горе.

Тут позвонила риелтор, о котором я успела забыть. Чаепитие пришлось прервать и спешно бежать в контору.

Возвращалась я ближе к вечеру, решила не спеша пройтись по городу и нашла большие перемены. Жизнь, как известно, не стоит на месте. В ностальгическом настроении я поднималась по лестнице и возле своей двери обнаружила Арни с букетом под мышкой и бутылкой мартини в руке.

— Привет, — расплылся он в улыбке.

— Виделись уже, — буркнула я, не испытывая ни малейшей радости от того, что он обретается вблизи от моей квартиры. Такой прием его слегка смутил.

— Я просто подумал, неплохо бы посидеть, поговорить. Ты, кстати, Чуму нашла?

Я открыла дверь, прикидывая, как бы половчее его отшить, но он, легонько подвинув меня плечом, просочился в жилище.

— Ваза есть? — спросил деловито. Сбросил туфли, снял куртку и пошел искать вазу.

Мысленно чертыхаясь, я пошла в кухню, где он скоренько и появился. Налил воды в вазу, определил в нее букет и поставил на подоконник.

— Вот так... с приездом.

Он обнял меня и поцеловал. Поцелуй вышел мимолетным, я успела увернуться. Хотела сесть за стол, но Арни ухватил меня за плечи и в глаза уставился.

— Я так рад, что ты вернулась, — сказал серьезно.

— Я не вернулась, — с усмешкой ответила я. — Просто приехала на пару дней.

— Ты счастлива в своей Америке?

— Конечно.

— Не скучаешь?

— Я довольно часто прилетаю в Россию, не успеваю соскучиться.

Он кивнул, вроде бы соглашаясь.

— Давай выпьем. Ты ведь любишь мартини. Или вкусы изменились?

— Нет ни льда, ни закуски, — порадовала я. Достала два стакана и разлила мартини.

— За встречу, — сказал он, поднимая свой стакан.

— Ага, — кивнула я и наконец-то села на стул.

Арни устроился напротив и тут же сгреб мою руку.

— Рассказывай, как ты жила все эти годы?

— Хорошо жила.

— А парень у тебя есть?

— Ага. Афроамериканец, два метра ростом.

— Серьезно? — фыркнул он.

— Разве этим шутят?

— Он тебя любит?

— Надеюсь.

— А ты его?

— Конечно. С какой стати, в противном случае, я стала бы с ним жить?

— Значит, вы живете вместе?

— Значит, живем. Извини, я устала с дороги, долгий перелет и все такое...

— Хочешь, чтобы я ушел?

— Неплохо бы...

— Черт, Зоська... не могу поверить, что ты здесь. Я... я боялся, что больше никогда тебя не увижу. Ты стала еще красивее.

— Ага. И заметно старше.

— Сколько лет прошло?

— Много.

— Ты думала обо мне? Хоть иногда?

— С какой стати мне о тебе думать? — не выдержала я.

— Ну, как же, — пожал он плечами. — Мы друзья.

— Мы когда-то были друзьями, в нашем славном детстве.

— И я совсем для тебя ничего не значу? — с обидой спросил он.

— Ты смысл моей жизни. Так нормально? Лучше расскажи, как там Гора и Ирка? Я до них не смогла дозвониться.

Он снова пожал плечами.

— Мы редко видимся. Случайно иногда где-то столкнемся.

— То есть старые друзья тебя не особо интересуют? — съязвила я, а он нахмурился. Пялился на меня, наверное, с минутой, вздохнул.

— Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Я всегда тебя любил... сколько себя помню. И всегда верил, мы будем вместе. Когда ты уехала, я... я хотел покончить с собой. Тебе это безразлично?

— Я рада, что ты жив и здоров. Скажи на милость, какого хрена надо ворошить прошлое?

— Ты не понимаешь, — горестно покачал он головой. — Я думал, что избавился от любви к тебе... научился как-то жить без тебя, но сегодня, когда мы встретились... все мгновенно вернулось.

— Потерпи пару дней, я опять улечу...

— Прекрати, — рывкнул он и тут же сморщился, точно готовясь заплакать. — Я не могу без тебя. Просто не могу.

— Дурака не валяй. Можешь, и даже очень неплохо. У тебя, кстати, невеста. Забыл?

— К черту ее. И моего дорогого братца...

— Он-то тут при чем? — удивилась я.

— Все дело в нем, да? Ты его все еще любишь?

— У меня двухметровый негр, я от него тащусь. Арни, — позвала я. — Все это было сто лет назад, нам тогда и восемнадцати не стукнуло, в этом возрасте все в кого-нибудь влюбляются. Это нормально. Теперь мы взрослые люди, давай вспоминать былую любовь с легкой грустью, ты мою, а я — свою, и пойдем по жизни дальше. У тебя скоро свадьба, а я

намерена сделать карьеру и выйти замуж за конгрессмена.

— А как же негр? — усмехнулся Арни.

— Он у меня для души. Временно. Извини. — Я поднялась и направилась в туалет, прихватив телефон.

Стало ясно, от Арни просто так не отделаешься. Его занудство мне хорошо известно, придется обращаться за помощью.

— Ну, что, — вернувшись, сказала я. — Еще по чуть-чуть, и разбегаемся?

— Не прогоняй меня, — взмолился он, но стакан взял и выпил. — Мы ведь можем просто посидеть. Я столько лет мечтал об этом. Просто смотреть на тебя...

— Я спать хочу, честно. Давай встретимся через пару дней, когда я закончу с делами...

— И опять улетишь?

— Конечно, улечу.

Тут в дверь позвонили, и я козой запрыгала в прихожую, распахнула дверь и увидела Стасю.

— Зоська, у меня что-то телик не показывает, глянь, что с ним.

— Гляну, только гостя провожу.

— И что у тебя за гость? — Она бодрым шагом вошла в кухню, Арни поднялся ей навстречу. — Привет, Дохлый, — сказала старушка. — Не успела Зоська приехать, ты тут как тут. А красавец-то, любо-дорого посмотреть.

— У Арни скоро свадьба, — порадовала я. — Девушку я видела, симпатичная.

— Вот это хорошо. Пора уж. Женишься, деток заведешь. Пошли, Зоська, сейчас сериал начнется.

— Иди, я тебя подожду, — предложил Арни. — Или, если хотите, телевизор налажу.

— Я мужиков в квартиру не пускаю, чтоб потом по ночам не волноваться.

— Боятесь, ограбят?

— Сны замучили. Эротические. Снятся молодые мужики, хоть на стенку лезь. А тебя во сне увидеть — просто срам. Я ж тебя крохотным засранцем помню. Так что выметайся, и поскорее, мне сериал позарез нужен.

Она подхватила его под локоть и потащила к выходу, шутливо, но довольно настойчиво.

— Думаете, я не понял? — надевая куртку, сказал Арни. — Стася спешит на помощь. Зоська всегда была вашей любимицей. А меня вы терпеть не могли.

— Тю... что за инсинуации? Клеветешь на старушку, а все потому, что я тебя за уши отгаскала, когда вы с Горой письками мерились. Этот стервец сбежал, но тебя я за ухо поймала. А Зоська мне, считай, родня. В ней кровь наша, пановья. А вы с братцем как были прощелыгами, так и остались, хоть и катаетесь на «Мерседесах».

— Чертова ведьма, — исчезая за дверью, буркнул Арнольдик.

А я поспешила запереть дверь.

— Вы не переборщили? — спросила я Стасю, вместе с ней возвращаясь в кухню.

— В самый раз. Если б не эти... ты бы никуда не уехала и у меня была бы живая душа рядом.

— Хотите, я вас в Петербург заберу.

— Чего я там забыла? А кроме этой сладкой дряни есть что? — указав на бутылку мартини, спросила Стася.

— Нет.

— Тогда пошли ко мне. На хрен мартини, да здравствует коньяк!

За коньяком мы просидели долго, домой я вернулась за полночь. Появление Арни всколыхнуло непрошенные воспоминания, и еще часа два я ворочалась в постели, не в силах уснуть.

А в половине восьмого утра зазвонил мобильный. Я шарила рукой по тумбочке в поисках телефона, гадая, кого угораздило звонить так рано и по какой нужде. Номер высветился незнакомый, я было решила, что отвечать ни к чему, но все-таки ответила.

— Привет, — мурлыкнула Ирка. — Спишь?

— Уже нет, — зевая, ответила я.

— Это хорошо. Сможешь выбраться из дома нашей тайной тропой?

— Какой? — не поняла я, но довольно быстро сообразила, что Ирка имеет в виду. — Смогу, наверное. Если не произошли радикальные перемены.

— Вряд ли. Горе неделю назад проверял. Все ок. — Иркины слова наводили на размышления, но я решила оставить их на потом. — Как выберешься из дома, двигай к остановке. Доедешь до областной библиотеки, там напротив ремонт айфонов, ткнешься туда. В это время у них должно быть еще закрыто, а вот рядом китайская забегаловка, эти работают с восьми утра. Войдешь и через кухню выскочишь в Костин переулок. Там тебя Горе и подхватит. Пора нам с тобой увидеться. Не забудь сначала в ремонт сунуться. Ок? Вдруг эти олухи умнее, чем я думаю...

— А можно без шпионских страстей? — вновь зевнула я.

— Можно, — охотно отозвалась Ирка. — Но тогда мы вряд ли увидимся. До поры до времени мне лучше побыть в таком месте, о котором ни одна живая душа не знает. Точнее, знает Горе, и будешь знать ты, если поторопишься. Жду не дождусь. Чмоки-чмоки.

Я немного поглазела на мобильный в своих руках и отбросила его в сторону. Ирка уверена, что за мной следят, оттого все эти предосторожности. В ремонт я должна зайти, чтобы наблюдатель решил: я приехала в мастерскую. А к китайцам заглянула, чтобы скоротать время, заодно и позавтракать. Все логично. И дядя (не тетя же) будет спокойно ждать, а не бросится за мной в переулок. За это время Гора отчалит вместе со мной. Это понятно. А вот с какой стати Ирка прячется? И от кого? Типы в ее квартире выглядели серьезными ребятами. И зачем мне это счастье?

Ирка просила приехать, рассчитывая на мою помощь. Я понятия не имею, что происходит... Встретимся, и узнаю. Тогда и решу, что делать дальше. К моему приезду друзья подготовились, не зря Гора проверил пути отхода... Никуда ввязываться я не собираюсь, просто выясню, в чем дело. Но если с самой собой не лукавить, выходило, что я уже ввязалась...

Рассуждая подобным образом и еще толком не зная, как поступить, я приняла душ и была готова покинуть квартиру. Постояла немного перед дверью и, вздохнув, вышла на лестничную клетку. Покосилась на дверь Стаси. Не удивлюсь, если в настоящий момент она прильнула к дверному глазку. Но нет, Стася уже распахнула бы дверь и непременно поинтересовалась, с какой стати я поднимаюсь наверх, а не спускаюсь вниз, раз уж мне пришла охота в такую рань покинуть свое жилище.

Стараясь не шуметь и очень надеясь, что в субботнее утро никого не встречу в подъезде, я поднялась на верхний этаж, а потом на чердак. Ключ от чердачной двери висел на гвоздике за ящиком с какими-то проводами. Надо же, ничего не изменилось. Чердак, пыльный и душный, кое-какие изменения все же претерпел. Во времена моего детства здесь сушили белье. Судя по оборванным веревкам и гигантской паутине — это в прошлом.

Осторожно ступая, я достигла противоположной стены, где была дверь в первый подъезд. Она оказалась незапертой. Я спустилась на первый этаж и вскоре стояла перед дверью в подвал, которая была чуть приоткрыта. Пространство подвала поделено на кладовки, когда-то здесь держали соленья и варенья. Само собой, не кладовки меня интересовали, а окно в конце узкого длинного коридора. Под окном стоял перевернутый деревянный ящик. Должно быть, Гора постарался.

Взобравшись на ящик, я легко открыла окно и выбралась на улицу. Кусты акации надежно скрывали меня от прохожих. Их, кстати, пока не наблюдалось. Отряхнув джинсы, я бодрым шагом направилась к остановке. Троллейбус как раз собирался трогаться, но водитель, заметив меня, задержался, я запрыгнула в заднюю дверь.

Точно следуя инструкции, я сошла на нужной остановке и подергала ручку двери в ателье по ремонту айфонов. Опущенные рольставни не оставляли сомнений, что явилась я рано. Я посмотрела на часы, потопталась на месте, оглядываясь. В общем, разыграла целый спектакль и зашагала к китайскому кафе, расположенному по соседству.

Кафе совсем маленькое, торговали здесь едой, в основном навынос, посетителей пока не было, и это порадовало. Китаец за прилавком — самый настоящий, и я забеспокоилась: как объясню, что мне от него надо? Объяснять ничего не пришлось. Я ткнула пальцем в коридор за его спиной, где предположительно был выход в переулок, а он радостно закивал. Еще несколько метров бодрым шагом, и я в переулке.

В трех шагах замер «Лексус», дверь тут же открылась. Только я устроилась на сиденье, как Гора рванул с места, и вскоре мы уже мчались по проспекту.

— Зоська! — орал друг детства, одной рукой обнимая меня, а второй кое-как управляя машиной. — Жутко рад тебя видеть. Офигеть, какая красotka!

Поцеловав Гору, я посоветовала ему следить за дорогой, пристегнулась ремнем безопасности и спросила:

— В каком шпионском триллере вы снимаетесь?

— Что? — удивился он. — А-а-а... Чума все расскажет. Я, если честно, сам толком не знаю. Чума велит — я делаю. Как всегда.

Похоже, он и в самом деле не видел в ситуации ничего необычного. Впрочем, это не удивило. Гора, как бы это помягче... Я стала замечать, что с ним что-то не так, лет в шестнадцать, до той поры он мне казался вполне нормальным парнем, которому просто не везет. Ну, а потом стало ясно: не везет ему в основном потому, что он не совсем нормальный. Похоже, в лучшую сторону ничего не изменилось.

Он продолжал болтать о том, как рад меня видеть, а я улыбалась и кивала, решив подождать с вопросами. В их давнем тандеме всегда верховодила Ирка. В четырнадцать лет они стали любовниками, подруга сообщила мне об этом с легкой усмешкой. Я таращила глаза и замирала от ужаса, щедро приправленного любопытством.

— Ты его любишь? — спросила я, потому что девушкой была начитанной и твердо знала: подобное происходит лишь по большой любви.

— А как это связано? — ошарашила Ирка.

Неделю я над этим размышляла, после чего вновь завела разговор. Ирка меня высмеяла, я разозлилась, и каждый остался при своем мнении. По выражению подруги, у них были свободные отношения. На деле это выглядело так: Ирка время от времени заводила себе парня, а Гора взирал на это с усмешкой. Потом парень куда-то исчезал, и Гора вновь занимал его место. Предан он был ей по-собачьи и к любым Иркиным выходкам относился с

завидным спокойствием. Я так и не смогла понять причину этой преданности: то ли двигала Горой большая любовь, то ли отсутствие мозгов.

Теперь у Ирки неприятности, о чем мне известно доподлинно, и верный рыцарь рядом с ней, при этом он даже не потрудился узнать, что, собственно, происходит.

Между тем мы оказались в пригороде, немного попетляли по переулкам, пока не остановились возле дома из красного кирпича за глухим забором. Гора вышел из машины, открыл ворота и загнал «Лексус» во двор, после чего мы вошли в дом.

— Это мы, — сказал он громко, но навстречу с распростертыми объятиями никто не кинулся. — Чума! — крикнул он. — Ты оглохла, что ли?

— Да слышу я, слышу, — раздалось из соседней комнаты, и я последовала туда.

На разложенном диване, задрав ноги, лежала Ирка и листала журнал. Что-то о путешествиях, судя по обложке.

— Зоська, — пропела она, отбросила журнал в сторону и поднялась мне навстречу. — Ну, наконец-то...

— Вообще-то, эти слова надо было произнести мне, — с усмешкой заметила я, мы обнялись и расцеловались. Гора стоял рядом с таким сияющим видом, точно тренер возле новоиспеченных чемпионов мира.

— Спасибо, что приехала, — отстраняясь, заявила Ирка серьезно. — Я в тебе не сомневалась, знала, что поможешь.

— Что за помощь ты имеешь в виду? — насторожилась я. Ирка равнодушно махнула рукой.

— Не к спеху. Идем в кухню, посидим, поговорим.

На кухне был накрыт стол: martini, шоколад, салатик, картошка, присыпанная укропом, и нечто похожее на тефтели.

— Ты готовила? — спросила я.

— Гора. Ты же знаешь, кулинария — не мой конек. Хотя от тоски и готовить начнешь.

— Давай-ка про тоску. Очень интересно.

— Терпением ты никогда не отличалась, — посетовала она.

— Мое терпение испытывают уже сутки. Ну, и от кого ты прячешься?

— Я прячусь? — удивилась Ирка. — Больно надо. У Горы проблемы.

— Что на этот раз? — спросила я. Утверждение явно противоречило ее недавним словам, но это не удивило: Стася права — Чума и есть Чума. Ирка перевела взгляд на Стычкина, предлагая ему самому объясниться. С объяснениями, насколько я помню, у него всегда было не очень, вот и сейчас не порадовал.

— Хмырь один схлопотал по роже.

— Мило, — выждав немного, кивнула я. — А дальше?

— Хмырь этот — мент, — вздохнула Ирка, сообразив, что объясняться все же придется ей, Гора смотрел на меня влюбленными глазами и почесывал затылок. По меткому Иркиному выражению: «Мысли кучкой собирал». — А у Горы еще условный срок не вышел.

— А нельзя было с мордобоем подождать? — проявила я заинтересованность.

— Не-а, — покачал головой Гора. — Такой свинота, зараза. Но ты не переживай, он из больницы выйдет, я с ним потолкую, и он заяву заберет. Иначе раньше, чем я, сядет.

— Не сомневаюсь, — кивнула я, заподозрив, что со времен нашей юности здесь мало что изменилось.

— Давайте выпьем, — внесла предложение Ирка. — Со свиданьем.

— Может, это... Дохламу позвонить? — предложил Гора, выпив рюмку. В отличие от нас, пил он водку. Ирка взглянула на него укоризненно, а Гора нахмурился: — А чего?

— Того, — ответила она и поджала губы, оставив его гадать, что она все-таки имела в виду.

— С Дохлым мы уже виделись, — сказала я. Теперь Ирка нахмурилась, глядя на меня с некоторой настороженностью. — Встретились в торговом центре, обещал на свадьбу пригласить. Девушка у него — красавица.

— Ага, — фыркнула Ирка, — только вряд ли ему нужна. У Дохлого одна, но пламенная страсть, зовут ее Зоська. И поделаться с этим он ничего не может.

— Это точно, — закивал Гора. — У него все разговоры только о тебе. Адрес твой у меня просил. А где я его возьму? Ирка говорит, ты в Америке. Америка большая. Куда письма-то писать?

— Ты про электронную почту слышал? — на всякий случай спросила я.

— Ну... и там нужен адрес. А мобильный, что Ирка дала, не отвечает, потому что номер ты сменила, не хочешь знать старых друзей. — Тут Гора подмигнул мне и улыбнулся.

— Что это было? — спросила я.

— Версия для любопытных, — ответила Ирка. — Гора — кремень, никогда не проболтается. Можешь быть спокойной.

— Чего мне волноваться, я ж не в розыске. Ладно, с Егором все более-менее ясно. Типы в твоей квартире по его душу или все же по твою?

— Давай еще выпьем, — предложила Ирка. Мы выпили, но отвечать на вопрос ей все равно пришлось. — Не стоит придавать этому большого значения, — начала она. — Они что, тебя напугали?

— Не особенно. Слушай, ты уже взрослая девочка, не пора ли оставить в прошлом милые привычки...

— Вот за что я люблю Гору, — перебила Ирка. — Он никогда не засоряет мне мозг всякой хренью.

— Точно. И посмотри, что с ним стало. Не тяни время и выкладывай, зачем я вам понадобилась.

— История довольно длинная, — вздохнула Ирка.

— Вы торопитесь?

— Ладно, — разливая по третьей, сказала она. — Только, ради бога, без комментариев. У меня был любовник. Старый противный хмырь, то есть не то чтобы очень старый, и не такой уж противный... основное его достоинство — он хозяин фирмы, где я работала. Хозяин и генеральный директор. А я до зама доросла, трудясь в поте лица днем на работе, вечером в постели. Это было нелегко, особенно работа в ночную смену.

— Зачем тебе это? — нахмурилась я.

— Хотела сразу в дамки. Он на меня повелся. Вообще-то, он не бабник, и если уж совсем честно, это я его соблазнила, надеялась, что он с женой разведется. Жена у него старая и страшная, детей нет, к его бизнесу она никакого отношения не имеет, и разбежаться им проще простого. Он мне обещал. Еще в прошлом году сказал: на развод подам сразу после ее дня рождения. Я ждала, сначала ее день рождения, затем другие праздники. Поговорила с ним опять, сказала: брошу к черту, если не разведется. На коленях стоял, плакал, год просил еще подождать. Я ждала. А потом нашла у него футляр с колье. Сначала обрадовалась, думала — мне. Сорок семь бриллиантов. Охренеть. И что ты думаешь? Жду подарка, а подарка все

нет. Тут у этого гада юбилей, потащил всех в ресторан, и его старая вешалка там, в моем колье на тощей шее. Это как?

— Нехорошо, когда люди обманывают, — с умным видом встрял Гора.

— Нехорошо с чужими мужиками спать, — не удержалась я.

— Кто ж спорит? Но очень хотелось стабильности в жизни. У меня ипотека и три кредита, а я на Мальдивы хочу.

— Теперь у тебя какие-то хмыри в квартире, — напомнила я.

— Это ерунда, — беспечно отмахнулась Ирка. — Слушай дальше. Достал меня мой любовничек, и решила я его малость наказать. Дяденька он на руку не чистый, кое-кому его делишки были бы очень даже интересны. В особенности прокуратуре. И налоговой.

— Ты сперла документы? — опять не удержалась я.

— На фига они мне? Документы на хлеб не намажешь. Я сперла деньги. Всего-то три лимона. Не долларов даже, а рублей. Из принципа сперла, ну еще и компенсацию за сверхурочные.

— И в чем проблема? Лети на Мальдивы, ты ж хотела отдохнуть, или злой дядя деньги назад требует? Оттого в твоей квартире незваные гости?

— На Мальдивы я уже слетала. Требовать он может что угодно, мне по фиг. К ментам он не пойдет, объяснять замучаешься, откуда это бабло. У него был счет, на котором деньги лежали для всяких неблагоприятных дел, вот я этот счет малость пощипала, то есть взяла-то совсем чуть-чуть. Я ж говорю, из принципа. Папуля не какой-то там бандит, из-за этих денег девушку не обидит. Опять же, любовь у нас. А то, что людишек послал, это понятно. Во-первых, боится, что я сгоряча трепать языком начну, во-вторых, денег все же жалко.

— И что дальше? Как тебе видится выход из данного положения?

— Бабки придется вернуть, — вздохнула Ирка.

— Разумно, — кивнула я, ожидая продолжения и сильно сомневаясь, что доводы разума имели для подруги хоть какое-то значение.

— Ты не понимаешь, — вновь вздохнула она. — Меня совесть замучила. Вообще-то, он всегда ко мне хорошо относился. И деньги подкидывал. Ипотеку до сих пор платит. Я проверяла. Каждый месяц до десятого числа.

— Ты решила к нему вернуться? — нахмурилась я.

— Нет. Я решила вернуть ему деньги. Те, что не успела потратить. Там почти два миллиона. И разойтись по-доброму. Я не буду на него стучать, а он засчитает остальные бабки как премиальные. И каждый из нас пойдет своей дорогой.

— А он согласится? — подумав немного, спросила я.

— Конечно. Куда ему деться? Миллион семьсот лучше, чем ничего. И никаких заморочек с налоговой.

— Вы это уже обсуждали?

— В общих чертах...

Иркина уклончивость не очень-то мне понравилась.

— Отлично. И в чем тогда проблема?

— Нет никаких проблем, — удивилась она.

— А я тебе зачем понадобилась?

— Ты отвезешь деньги, — сказала она и улыбнулась.

— Куда отвезу?

— Не куда, а кому. Папику моему. Кудрявцеву Виктору Васильевичу.

— Почему я?

— Потому что Горе никак нельзя. Витя его не жалуется. И запросто может ментам стукануть. На обратной дороге и повяжут. Я с ним встречаться не хочу, из-за того что духом слаба. Начнет в ногах валяться и назад звать, не выдержу, расплачусь и отдамся. А я Горе обещала создать ячейку общества. Ему сейчас жить негде, а у меня все-таки квартира. И вообще, мы нравимся друг другу. С миллионами в сумке кого попало не пошлешь. Только тебя.

— Почему бы не перевести деньги на его счет?

— Со счетами сейчас проблемы. После того как я один обчистила, Витя стал очень подозрительным. Глубоко законспирировался. А как эти деньги проведешь, если не темнить и воспользоваться официальным счетом? Наличка надежнее.

— Допустим. И куда я должна отвезти деньги, в его офис?

— Ты что, боишься? — вдруг спросила Ирка. — По-твоему, я стала бы подставлять подругу?

— Надеюсь, что нет.

— Надеешься?

— Хорошо, нет. Но мне очень не понравились типы в твоей квартире. Ты так и не объяснила, кто это.

— Понятия не имею. Кто-нибудь из Валеркиных парней. Валера — начальник службы безопасности. Зануда-очкарик. Кстати, вполне приличный парень. Подкатывал ко мне с любовью. В смысле приглашал поужинать как-нибудь. Но когда узнал, что я с Витей шуры-муры завела, стал рожу воротить. Демонстрировал недовольство моим разнузданным поведением. Он, как и ты, считает, что с чужими мужиками спать нехорошо.

— Рада, что обрела единомышленника. Что ж, надеюсь, ты не забыла рассказать мне все самое существенное и мой вояж к твоему Вите закончится благополучно.

— Об этом можешь не беспокоиться. Если б я считала, что это хоть немного опасно, никогда бы не обратилась к тебе. Друзей надо беречь. А у меня их всего-то двое. Ты да Горе.

— Дохлого ты другом не считаешь? — слегка удивилась я. Если у меня был повод на него злиться, то у Ирки он вроде бы отсутствовал. Или я чего-то не знаю.

— Дохлого? — переспросила она. — Арни шага не сделает без своего говнюка-брата, прошу прощения. А Гера нас не жалуется. Считает, времена изменились и мы теперь для Дохлого неподходящая компания.

— Неподходящая компания? — переспросила я. — Это из-за проблем Горы с полицией?

— И из-за этого тоже. Гера у нас бизнесмен, как тебе известно. Неплохие бабки заколачивает. Но мальчику из низов нелегко подняться. Приходится приспособливаться к обстановке.

— А поконкретней?

— Взять хоть свадьбу Дохлого. Невесту ему брат сыскал. Дочка его партнера по бизнесу. У Геры есть идеи, у папаши бабосы. Обстрипают дельце по-семейному. Это мне Витюша поведал, я-то поначалу думала, наш Арни покончил со своей навязчивой идеей, влюбился и решил продолжить свой род. Порадовалась за чувака, душа-то родная. Оказалось, все упирается в голимый расчет и те же бабосы. Наш Арни женится, потому что брат так решил. Хотя теперь, когда ты приехала... очень может быть, Геру ожидает неприятный сюрприз.

— Никаких сюрпризов, — отмахнулась я. — С риелтором я встретила, отвезу деньги твоему Вите и сразу отчалию. Отпуск не резиновый, я на море хочу.

— На море все хотят, — подал голос все это время молчавший Гора.

— Ничего не имею против вашей компании.

— А что? — оживилась Ирка. — Махнем, в самом деле, куда-нибудь втроем?

— Когда деньги везти? — вернулась я к насущному.

— Завтра. Надеюсь, что завтра. Позвоню Витюше, обо всем договорюсь. Слушай, а чего ты о себе не рассказываешь? Как дела на личном фронте?

— Без перемен.

— Это в смысле никого нет? — спросил Гора с сомнением.

— Это в смысле мужиков — завались, — ответила Ирка.

— Вариант Горы ближе к действительности, — внесла я ясность. — На отсутствие внимания не жалею, но серьезных отношений не завожу.

— Из-за этого стервеца? — нахмурилась подруга.

— Стервец здесь ни при чем. Учеба, работа — времени нет. — Я посмотрела на Ирку, перевела взгляд на Гору. Последнее дело врать друзьям. — Боюсь влюбиться. Без этого как-то спокойнее.

— Башку бы оторвать твоему Гере и его братцу в придачу, — в сердцах заметила Ирка.

— Никому ничего отрывать не надо. Кстати, а почему Гера женит Дохлого? Мог бы сам на богатой невесте жениться.

— Бережет себя. Видно, недостаточно богата. Он парень целеустремленный и, безусловно, достигнет больших высот.

— Он спит со стриптизершей, — хмыкнул Гора. — Клуб «От заката до рассвета». Она там вампиршу изображает. Зовут Жози, то есть на самом деле Женька Демидова. Она художественной гимнастикой занималась, училась вместе с Танькой Быковой. Помните ее?

— Нет, — отрезала Ирка. — Чего ты лезешь со своими стриптизершами?

— Почему с моими? На фиг они мне нужны?

— Вот уж не знаю. Но лучше молчи.

— Мне совершенно все равно, с кем спит Гера, — сказала я, решив, что к Егору Ирка зря прицепилась.

— Да? Ну и ладненько. А чего сидим на сухую? За дружбу, безголовики.

Дружеское застолье длилось часа три, на столе появилась еще бутылка, а я засобиравалась домой, решив, что, если так пойдет дальше, на своих двоих мне отсюда не выбраться. Выпивка не была в числе моих любимых забав, итогом всегда становились головная боль и малоприятные воспоминания.

В общем, я простилась с друзьями и направилась к остановке автобуса. Гора вызвался меня отвезти, но я этому, по понятным причинам, воспротивилась. Тогда он предложил проводить меня до остановки, что тоже радости не прибавило, учитывая его заморочки с ментами.

В результате, мы простились возле ворот, договорившись вечером созвониться. Автобуса дожидаться я не стала, остановила проезжавшее мимо такси, а в трех кварталах от своего дома вдруг вспомнила про конспирацию. Мне возвращаться партизанской тропой или обойдется? Жаль, забыла спросить об этом у Ирки. Можно, конечно, позвонить... Я покосилась на водителя. Пожалуй, не стоит.

— Остановите здесь, — попросила я, дворами прошла к дому, юркнула в кусты акации и полезла в подвальное окно. Если меня кто-то застукает за этим делом, решат, что я спятила. И правильно. Нормальные люди живут нормальной жизнью, а не в шпионов играют.

Однако на чердак я все-таки поднялась, а потом благополучно спустилась к своей квартире. Прошлась по комнатам и загрустила. Никаких дел на горизонте не маячит, и занять себя по большому счету нечем. Можно по городу прогуляться, теперь ничего не мешает покинуть дом через подъезд, не боясь слежки. Небо, как назло, опять заволокло тучами, того гляди пойдет дождь. Лучше на диван с хорошей книжечкой. Или к Стасе заглянуть.

Стася, легка на помине, объявилась сама. Я устроилась на диване и успела прочитать пару страниц, когда она возникла на пороге.

— Чего там Чума опять мутит? — вместо приветствия спросила старушка.

— Ваш лексикон заметно обогатился, — засмеялась я.

— С кем поведешься... Зоська, из всей компании только ты с головой дружишь. Вы уже не дети, вот и держись от Чумы подальше, поняла?

— Что за странный настрой у вас сегодня?

— Никакой не странный. За тебя боюсь, и это вполне естественно, учитывая, что ты моя единственная наследница.

— Вам не о чем беспокоиться, — пожала я плечами.

— Да? А чего тогда чердаком ходишь? — Я фыркнула и отвернулась. А она продолжила: — Думали, такие умные и никто не знает?

— В глазок подглядывали?

— Не подглядывала. Ждут тебя. Часа полтора, не меньше. Мимо ты пройти незамеченной не могла, выходит, через чердак. А с какой стати, если все нормально?

— Логичное заключение, — кивнула я и направилась к окну. — А кто ждет? — Вопрос, собственно, риторический. Я была уверена: вчерашние ребята очкарика. И нужна им, разумеется, Ирка.

Чуть сдвинув занавески, я осторожно выглянула в окно. Рядом с подъездом стоял черный «БМВ». Что ж, люди не бедные. И тут Стася смогла удивить.

— Этот твой... Герман. Должно быть, Дохлый сказал, что ты приехала. Почему бы им не оставить тебя в покое?

— В самом деле, — согласилась я. — С другой стороны, сидит человек в машине, никому не мешает. И пусть.

— Явился злой как черт, — продолжила Стася. — Сначала к тебе в дверь барабанил, потом ко мне наведалься. Спрашивает: «Сонька у тебя?» Сонька... кому Сонька, а кому Софья Сергеевна.

— Не перебарщивайте. Сонька тоже сгодится.

— Сгодится... Нечего ему здесь делать. Профукал свое счастье, своими руками по ветру пустил.

— Вам нужно стихи писать.

— А тебе надо держаться от бывших дружков подальше. Не доведут до добра. Выйдешь к нему?

— Сколько, вы говорите, он там сидит?

— Часа полтора.

— Ну, пусть еще немного потерпит, а я о жизни подумаю.

Получается, что встречи нам все-таки не избежать. Стася ушла, а я, устроившись на диване, неспешно, словно разматывая присохшие к ране бинты, начала перебирать в уме воспоминания, от которых пыталась избавиться, покинув этот город.

Итак, у Дохлого был старший брат, и это делало Арни в нашей компании особенным.

Германа боялась вся округа, он охотно лез в драку по любому поводу, демонстрируя всем и каждому, что способен за себя постоять. Гера был старше нас на семь лет, и Дохлый относился к нему скорее как к отцу, мы в каком-то смысле тоже. Безусловный авторитет, объект безудержного поклонения и, конечно, зависти. У нас-то такого счастья не имелось, и решать свои проблемы приходилось самим. А проблемы, конечно, были. Сейчас они кажутся смехотворными, а тогда всерьез отравляли жизнь. Надо отдать Гере должное, он всех четверых взял под свое покровительство, став для неокрепших детских душ кем-то вроде супермена. В семь лет я в него влюбилась и не замедлила поделиться новостью с Ирккой, вызвав у подруги сначала недоумение, а потом острейшее любопытство. Как это: влюбиться? Пришлось объяснять. В последующие несколько месяцев мы только об этом и говорили. У нас впервые появились секреты от Дохлого и Горы, и это здорово злило обоих. Потом Иркино любопытство пошло на спад, а моя любовь, напротив, с каждым годом крепла. Само собой, Герман на меня внимания не обращал, то есть ничем не выделял из компании и даже не догадывался, какую бурю чувств вызывает одним своим появлением.

А потом настал день, когда мы почувствовали перемены. Из детей мы превратились в подростков, и кто дольше продержится под водой, интересовало нас все меньше, и на смену неумной веселости явилось неясное томление. То есть я-то с ним уживалась довольно давно, а вот для моих друзей оно оказалось в диковинку. Гора влюбился в Ирку, это было столь явно, что объяснениями он мог себя не утруждать. Дохлый влюбился в меня, я считала, что просто другого подходящего объекта не нашлось. И честно призналась: я люблю его брата. От друзей нет секретов. Дохлый обо всем донес Герману, наверное, потому, что уже по-другому не мог. Брат способен решить любую проблему, и эту тоже решит.

Вечером, когда мы, по обыкновению, слонялись во дворе, Гера отозвал меня в сторонку и доходчиво поведал, что я еще совсем пацанка, и уж если мне приспичило влюбиться, то стоит выбрать кого-то из сверстников или чуть старше, потому что, когда я стану девушкой, он будет уже женатым дядей, а это значит, я зря трачу время. Я рыдала, уткнувшись в Иркины колени, у нас вновь появились секреты. А я с ужасом стала ждать того момента, когда Герман женится. На счастье или на беду, он с этим не спешил.

Время шло, и, встречая меня во дворе, Герман все чаще останавливался поболтать, спрашивая с насмешливой нежностью: «Как твоя любовь?», а я задиристо отвечала: «Растет и крепнет». Ирка с Горой стали любовниками, и Дохлый выдал что-то типа «все люди как люди, а мы когда?». Не тратя слов попусту, я заехала ему кулаком в нос и предложила искать дуру в другом месте. Нос распух, Дохлый прятался на чердаке, отказывался идти домой и требовал меня для разговора. Я пожелала ему на чердаке состариться, если уж он Арни так по нраву. Но домой Дохлый так и не пошел, до утра просидев с Горой на детской площадке. Германа в тот момент в городе не было, и я, признаться, с беспокойством ждала его возвращения. Однако ничего не случилось. Дохлый по-прежнему ходил за мной тенью, а Гера, встретив нас во дворе, улыбался и подмигивал.

А потом случилось страшное... То есть это мне так казалось. Слава богу, Герман не женился, но купил квартиру и вскоре переехал. Матери с братом тоже жилье приобрел, от себя на почтительном расстоянии. Наши встречи, которых я ждала с замиранием сердца, прекратились и, как мне тогда казалось, навсегда. Адрес я, само собой, раздобыла и все свободное время болталась по соседству с домом Германа, но ни разу его не встретила, что, в общем-то, не удивило: ходить пешком он не охотник. Иногда я видела во дворе его машину, но дежурить у подъезда или подняться в квартиру не рисковала, хоть и считала себя

девчонкой отчаянной. Я уже смирилась с мыслью, что никогда его не увижу, но в день рождения Дохлого, который мы собирались отмечать за городом, он неожиданно появился. Отвез нас на озеро на своей машине и больше часа провел с нами. Я от переизбытка счастья впала в легкий ступор и по большей части молчала, предпочитая смотреть куда-то вдаль, дабы не лишиться чувств.

А на следующий день мы встретились вновь. Я шла по улице и вдруг услышала его голос. Оглянулась и увидела, как он выходит из машины. Позднее Герман признался, что очень помог встрече, с самого утра заняв позицию неподалеку от моего дома. Он поинтересовался, куда я направляюсь. Торговый центр был всего в двух кварталах, что в тот момент вызвало у меня бурю негодования. Оказалось, Герман не прочь пройтись вместе со мной.

Магазины ни у меня, ни у него в тот день особого энтузиазма не вызвали, очень быстро мы оказались в кафе, где пробыли довольно долго. Герман пил кофе, я ела мороженое, отказываясь верить, что он как ни в чем не бывало сидит напротив, такой красивый, такой умный и такой взрослый. Последнее вовсе не казалось минусом. Наоборот. Ясно было, что и Дохлый, и Гора, и все прочие парни, с которыми я была знакома, в подметки ему не годятся.

На следующий день он позвонил, и мы опять встретились, а через неделю стали любовниками. Мне было семнадцать, и я считала себя взрослой. Мама уже несколько лет жила в Америке, у тетки свои заботы — в общем, я была предоставлена самой себе и сполна этим воспользовалась. Предстоящее поступление в институт меня уже не интересовало, а все чаяния и надежды крутились вокруг Германа. Я все чаще оставалась у него на всю ночь, а потом и вовсе жила по нескольку дней. Само собой, мои внезапные отлучки не остались без внимания, и друзья начали задавать вопросы. Я предпочла отмалчиваться, но Ирке в конце концов проболталась. Думаю, она меня Дохлому и сдала. Тот явился к брату в неурочное время, когда я нагишом разгуливала по квартире, дверной звонок истерично дребезжал, и я, набросив рубашку Германа, поспешно скрылась в спальне, откуда и слушала диалог двух братьев, начавшийся воплями Арни: «Я знаю, что она здесь», и ответными словами Германа: «Да утомонись ты, придурок».

Из спальни я так и не вышла, через полчаса Дохлый нас покинул. Гера пребывал в задумчивости, а я в легком раздражении из-за испорченного вечера. Потом подобные сцены повторялись довольно регулярно, изрядно меня утомив. И я, встретившись с Арни на нейтральной территории, предложила альтернативу: либо он ведет себя как нормальный, либо катится ко всем чертям. В ответ он пообещал покончить жизнь самоубийством, вызвав у меня приступ безудержного смеха.

— Дохлый, в двадцать первом веке от несчастной любви не стреляются, — напомнила я ему. — Напиши Вконтакте, что я шлюха, и успокойся.

Думаю, мое неверие в то, что он способен на глупейшую из глупостей, и стало причиной последующего шага. Упрямство и оскорбленное самолюбие вовсе не любовь, хотя Арни с этим тогда вряд ли согласился.

В общем, вечером Арни явился к Горе и попросил передать мне письмо. Конверт был запечатан, сверху стояло мое имя. Гору подобная просьба удивила: отчего б не позвонить.

— Не хочу я ей звонить, — отмахнулся Арни.

— Тогда смс...

— Передай письмо завтра утром, — буркнул Дохлый и поспешил уйти.

Гора к тому времени из нашего некогда общего дома тоже съехал. Он отправился вслед

за другом, потому что его поведение показалось ему странным: «Больно нервничал Дохлый». Арни шел к моему дому, в чем Гора очень быстро убедился. Если он идет ко мне, зачем письмо оставил? Вскоре стало ясно, не со мной он встречи ждет. Минуя мою квартиру (меня, кстати, в тот момент дома не было), Арни поднялся на чердак. В это время Гора, не желая показываться ему на глаза, пасся возле подъезда. Позвонил мне, выяснил, что я счастливо провожу время вдали от родного жилища, выждал еще немного, затем все же заглянул в подъезд и, не обнаружив там Дохлого, спешно поднялся на чердак, потому что больше тому деться было некуда. Поначалу Гора заподозрил: Дохлый слежку заметил и воспользовался чердаком, чтобы улизнуть. Но увидел болтающегося в петле Арни: тот воспользовался одной из веревок, на которой обычно сушили белье. Гора попытался извлечь друга из петли, это оказалось непростым делом, а учитывая всегдашнее его невезение, и вовсе бесперспективным. В общем, он позвонил Герману, и, когда мы явились (случилось так, что на тот момент я была рядом), застали жуткую картину: Дохлый с петлей на шее, бледный и мокрый, и Гора, из последних сил поддерживающий его на своих плечах, чтоб не удавился.

В тот момент ничего похожего на жалость в моей душе даже не шевельнулось. Я была уверена: все это дрянная инсценировка. Горе здорово от меня досталось, я считала: дружки в сговоре. Старший брат, вынув младшего из петли, повез его в больницу, а Гора, оправдываясь и едва не рыдая от обиды на мое недоверие, протянул мне письмо и рассказал, почему оказался на чердаке. Письмо было жалостливым и бестолковым. Не очень-то веря, что Арни в самом деле намеревался скончаться, я все-таки забеспокоилась, точно зная, на что способны люди из элементарного упрямства. Само собой, его нежелание смириться с моим выбором я считала именно глупым упрямством.

Вечером мы встретились в квартире Германа, тот привез брата к себе, чтоб был на глазах, а я пришла с намерением серьезно поговорить с Арни. Втолковать в меру сил, что я его не люблю и полюбить не могу при всем желании, что дело вовсе не в его брате: есть он или нет, это не меняет главного. Арни мне друг, им и останется. Однако заготовленную речь произнести мне не удалось. К тому времени, когда я появилась в квартире, братья уже обо всем договорились. Если бы Герман сказал, что не может больше встречаться со мной из-за брата, которого наша любовь сильно печалит, я бы его поняла, хотя принять его решение было бы очень трудно. Скорее невозможно. Герман был любовью всей моей жизни, пусть еще совсем короткой.

Но все было куда хуже, для меня-то уж точно. Тоном, не терпящим возражения, Герман сообщил, что уступает меня брату. Вот так и сказал, точно я доля в общей собственности и меня можно уступить, подарить или продать. Учитывая мой тогдашний возраст, повела я себя на редкость разумно. Без истерик, внешне довольно спокойно. Спросила, обращаясь к Герману:

— Ты — взрослый человек, надеюсь, ты понимаешь, что говоришь?

На что он ответил:

— Прекрасно понимаю.

А я заподозрила белую горячку. Не мог разумный человек, а тем более мужчина, которого я люблю, говорить подобную чушь. Приписав потерю здравого смысла недавнему шоку, я предпочла покинуть квартиру и поговорить с Германом, когда он немного придет в себя.

Но на следующее утро явился ко мне не Герман с извинениями, а Дохлый с букетом и шампанским. А когда я наотмашь ударила его этим букетом, пригрозив то же самое

проделать с бутылкой, он разрыдался и заявил, что Герман ему обещал. Меня, надо полагать. В первый момент я даже растерялась. Наверное, сказалась привычка смотреть на Германа снизу вверх, как на существо более высокой формации. Потом я решила: Дохлый окончательно спятил, но вслед за этим пришлось признать, что спятил все-таки Герман. Я выставила Арни за дверь и позвонила возлюбленному.

— Ты что, не понимаешь? — разозлился он. — Арни мой брат.

— И что? — не очень толково поинтересовалась я, в голове стоял звон от растерянности с большой долей отчаяния, и сформулировать то, что рвалось наружу, в те минуты было затруднительно.

— Я должен думать о нем.

— Отлично. А я тебе кто?

От ответа он уклонился, вновь заговорив о брате, о своем долге перед ним. Я молча слушала с убежденностью, что мир вокруг рушится и жить в нем совершенно невозможно. Однако сил и здравого смысла хватило на то, чтобы более-менее спокойно ответить:

— У тебя долг перед братом, только при чем здесь я? — Повесила трубку и повалилась на диван, заливаясь слезами.

Вдоволь наревевшись, я вновь воспыла надеждой: все как-нибудь утрясется, Герман успокоится, Дохлый придет в себя, я тоже успокоюсь. Ну, и так далее. Дохлый явился в тот же вечер в твердой убежденности, что если брат сказал, то я со всеми потрохами принадлежу ему. Я влепила ему пощечину в надежде привести в чувство. Каюсь, влепила не один раз, и даже не два, но в мозгах у него не прояснилось. Вытирая разбитый нос, он бубнил, что я должна и прочее в том же духе.

С трудом от него избавившись, я опять собралась звонить Герману с требованием приструнить придурка-брата, но Герман явился сам, и вот тут назрел вопрос, кого из братьев считать большим придурком, потому что выяснилось: старший всерьез считает, что он может распоряжаться моей жизнью, как ему заблагорассудится.

— С сегодняшнего дня ты с Арни, и это не обсуждается, — заявил он и, хлопнув дверью, удалился.

На этот раз я не рыдала, а нервно хихикала. Сразу после ухода Германа в квартире появилась Стася. Наслушавшись наших криков, потребовала объяснить, что происходит. В ответ на мой сбивчивый рассказ, как всегда, выругалась по-польски, вздохнула и заявила, хмурясь:

— Жизни тебе эти малахольные не дадут...

И оказалась права. Мне буквально не давали прохода, впору было обращаться в полицию. Ирка с Горой приняли мою сторону и на Дохлого пытались воздействовать, в основном кулаками, особенно свирепствовала Ирка, что неудивительно, она-то понимала меня куда лучше мужиков. Дохлый в отместку совсем съехал с катушек, и его братец в придачу. В какой-то момент я начала опасаться: все это закончится изнасилованием, по крайней мере, к этому ситуация неудержимо скатывается. Я чувствовала себя загнанной в угол. В отчаянии я рыдала в Стасиной кухне, и тут она сказала:

— Зоська, уезжай. К матери. Хотя из Америки тебя хрен дождешься... Лучше к отцу. Звони ему сейчас же. Не позвонишь — я позвоню.

Тетушка, на чье попечение я была оставлена, в те дни отдыхала на курорте, а вернувшись, обнаружила пустые полки в моем шкафу и записку, что я отправилась к родителю. Стася, со своей стороны, усиленно распространяла слух, что теперь я в Америке,

и с легкостью придумала мне новую жизнь с учебой в университете и работой официанткой в шикарном русском ресторане. Этот штрих придал рассказу необходимую убедительность, и все, в том числе Дохлый, поверили: я в Америке. Это, как известно, далеко, и на мою независимость никто не посягал.

О том, что я обретаюсь в родной стране, кроме тетки знали Чума и Стася, но все трое об этом помалкивали. Скажу честно, первые полгода, даже год, мне очень хотелось, чтобы Герман меня нашел. Разумеется, каясь и умоляя его простить, потому что он жить без меня не может. Я ждала его и простить, конечно, была готова. Хорошо хоть ума хватило самой не объявиться в большом нетерпении. Видимо, гордость, а может, и подозрение, что никакой любви с его стороны не было и в помине, сделать это не позволили. Новости я узнавала от Ирки, и с ее слов выходило: Арни ходит как в воду опущенный, более похожий на привидение, а вот Герман, судя по всему, чувствует себя распрекрасно. Его видели то с одной девушкой, то с другой, обо мне он ни разу не вспомнил, и никаких следов страданий на его лице незаметно. Это вызвало волну моих собственных страданий, но опять же удержало от дурацких поступков: позвонить, написать или сюда явиться. Пришлось признать очевидное: все произошедшее объяснялось не столько большой любовью к брату, сколько отсутствием особых чувств ко мне. В нежном возрасте это не так просто. Но я справилась, поставив на прошлом жирную точку.

Теперь это чертово прошлое караулит под моими окнами. Вздохнув, я поднялась с дивана. Глупо прятаться от проблемы, лучше решить ее сразу и навсегда. Набросив плащ, я вышла из квартиры, бегом спустилась по лестнице и твердой походкой направилась через двор, делая вид, что присутствие в моем дворе «БМВ» последней модели осталось мною незамеченным.

Не успела я сделать и десяток шагов, как дверь машины распахнулась и появился Герман. Я упорно смотрела только вперед, но боковым зрением движение уловила, сердце застучало с бешеной скоростью, и я некстати вспомнила поговорку: старая любовь не забывается. Век бы ее не видеть.

— Софья! — услышала я резкий окрик и повернулась.

Герман приближался, а я быстро оглядела его, ища какие-нибудь изменения. К худшему, разумеется. Было бы здорово, облысей он или прибавь два десятка килограммов. С прискорбием приходилось признать: выглядел он отлично. Безусловно, годы не прошли бесследно, но скорее добавили ему привлекательности. Он стал мужественнее, что ли, увереннее в себе, хотя и раньше от отсутствия уверенности не страдал. Волосы он теперь стриг короче, а привычные джинсы и пуловер сменил деловой костюм. Он ему шел. Все это отнюдь не порадовало. «Да что за день такой, — подумала я, прикидывая, какое произвожу впечатление, и заподозрила, что мои прелести его не впечатлили: он сурово хмурился и больше всего напоминал разгневанного водителя, которого ненароком подрезала блондинка, того гляди заорет: «Ты куда лезешь, коза?»).

Я тоже нахмурилась и, когда он подошел, сказала равнодушно:

— А, это ты, привет.

— Привет, — недовольно произнес он. — Тебя вроде бы не было дома. Только для меня?

— Зачем заходил? — удивилась я. — Соскучился?

— Вот что... — Он взял меня за локоть и сжал, вряд ли сознавая, что делает мне больно.

Подобное поведение намекало на большую нервозность. — Нам надо поговорить.

— Надо, так поговорим. Только руку отпусти.

— Руку? — Он вроде удивился, отошел на шаг и ладонь разжал. Быстро огляделся: — В машину? Или к тебе?

— На скамейку. Воздухом подышим, — предложила я и, не дожидаясь ответа, вернулась к подъезду, где стояла скамья. Села, запахнув плащ. Герман с заметным неудовольствием опустил рядом. Что-то ему не нравилось. Вряд ли скамейка. Должно быть, разговор начался не так, как он планировал. И это его раздражало.

— А ты изменилась, — вдруг заявил он.

— Постарела? — широко улыбнулась я, в моем возрасте о старости можно говорить разве что в шутку, вот меня и разбирало.

— Нет, — усмехнулся он. — Похоже, характер стал еще паршивей.

«Еще» вызвало недоумение, вот уж не знала, что являлась обладательницей паршивого характера, но вслух произнесла:

— Тебе видней. Так о чем ты хотел поговорить? О моем паршивом характере?

— Типа того, — вновь усмехнулся он. Посмотрел куда-то вдаль и, повернувшись ко мне, спросил: — Ты зачем приехала?

— Квартиру продать, — пожала я плечами.

— И за этим надо было тащиться из Америки? Или где ты там отсиживалась все это время?

— У тебя есть другие варианты? — подумав немного, задала я свой вопрос. Направленность беседы, признаться, вызвала легкое недоумение.

— Что? — вроде бы не понял он.

— По-твоему, есть другие причины?

Он зло хохотнул, отворачиваясь.

— Детка, мы оба знаем, что у тебя на меня большой зуб.

Он не пожелал продолжить, а я, выждав немного и ничего не дождавшись, вновь спросила:

— Ты решил, мое появление здесь как-то связано с тобой?

— А ты хочешь сказать, нет?

— Гера, ты хоть помнишь, сколько времени прошло? — удивилась я. — Ты всерьез думаешь, что все мои мысли были только о тебе? Я не стану называть тебя самовлюбленным идиотом, но ты весьма близок к этому определению, если и вправду так решил.

— Может, и не только обо мне, — хмыкнул он. — Но подложить свинью ты не откажешься.

— Провидец, — сказала я и отвернулась. — И как должна выглядеть свинья?

— Слушай, ты можешь говорить нормально? — разозлился он.

— Пытаюсь. Попробуй и ты растолковать, что имеешь в виду?

— Хорошо, скажу прямо: у Арни скоро свадьба. И если из-за тебя все вдруг сорвется...

— И я для этого прилетела из Америки? Ты несешь сущую нелепицу. Начнем с того, что мне по фиг, женится Арни или уйдет в монахи. Твой брат не занимает в моей жизни никакого места. Даже самого ничтожного.

— Дело не в Арни, — буркнул он. — Ты знаешь, как это важно для меня. Безголовики наверняка донесли со всеми подробностями.

— Донесли в общих чертах, — кивнула я. — Я бы еще худо-бедно поняла, обвини ты меня в желании сорвать твою свадьбу... но и это полный бред. Так что, братья Купченко, женитесь, размножайтесь и снова женитесь, я вам не помеха. Если надо — охотно

благословлю.

Я поднялась с намерением уйти, но Герман схватил меня за руку.

— Этот идиот точно с цепи сорвался, — сказал раздраженно. — Возможно, ты ни при чем... но это мало что меняет. Он всегда был на тебе помешан. Поэтому пакуй вещишки и вали отсюда. Лучше всего сегодня.

— То есть мне прямо сейчас бежать в полицию и писать заявление о поступивших угрозах? Или ты неудачно пошутил?

— Я не шучу. Иди в полицию, хоть к черту... только попробуй сорвать мои планы, — процедил он сквозь зубы.

— Мне нет до них дела. Продам квартиру и уеду. Все? И передай своему брату, чтоб держался от меня подальше, не то отправится под венец с новенькими зубными протезами. Приятно было встретиться.

И, не дожидаясь ответа, я скрылась в подъезде. Стася дежурила на лестничной клетке.

— Ну? — спросила нетерпеливо.

— Конкретизируйте свой вопрос, — фыркнула я, еще не избавившись от раздражения, которое вызвал недавний разговор.

— Что надо этому прощельге?

— Стася, по слухам, у него солидный бизнес.

— Я тебя умоляю, кто верит слухам? Ну?

— Посоветовал выметаться из города, и побыстрее. У него виды на невесту Дохлого, точнее, на ее деньги. А Дохлый планы может завалить.

— Вообще-то, гаденьш прав, — огорошила Стася. — Тебе лучше уехать.

— И за что такая немилость? — спросила я.

— На душе беспокойно. Второй день капли пью. Как бы тебя твои друзья-подружки в какую-нибудь пакость не втравили. Чтоб им пусто было. Неподходящая компания для прекрасной паненки.

— За прекрасную отдельное мерси. Капли уберите в шкаф, я давно взрослая девушка и ни во что втравить себя не позволю.

— Ох, матка боска, — вздохнула Стася, зачем-то перекрестила меня и молча удалилась в свою квартиру.

Остаток дня прошел спокойно. Само собой, мысли о Германе были довольно назойливы, но о былом возлюбленном я думала скорее с недоумением, особых сожалений об этой самой любви не наблюдалось, и это уже хорошо.

Прогулка по городу меня взбодрила, а заодно прибавила оптимизма: никого я, похоже, не интересовала. Подозрительные дяди по пятам не шли, и всех прочих поблизости тоже не наблюдалось.

Звонок от Ирки застал меня в торговом центре, где я ужинала в одном из кафе.

— Как дела? — лениво поинтересовалась подруга.

— Радуюсь жизни в меру сил.

— Меня научишь?

— Запросто. Купила классные туфли. А у тебя с радостью что?

— Да все нормально. Витьке позвонила, душевно так поболтали, он меня простил и готов забыть мои грехи за оставшуюся в наличии сумму. Есть планы на завтра?

— Никаких.

— Значит, завтра деньги отвезешь, после чего обмоем мое возвращение в лоно

порядочных людей, которые бабки у шефа не тырят. — Тут она весело хихикнула. — Короче, напьемся на радостях.

— Как скажешь, — хмыкнула я.

Вечер я провела у Стаси. То ли ее слова подействовали, то ли разговор с Ирккой добавил нервозности, но на душе кошки скребли. Как видно, мой внутренний голос пытался донести до меня что-то, но не был услышан.

На следующий день я еще раз встретила с риелтором и с прискорбием поняла: делать мне в родном городе нечего. С квартирой вопрос, в общем-то, решен. Можно было разыскать одноклассников, поговорить о жите-быте, но сильного желания не возникло. И, если б не обещание, данное Ирке, я могла бы вернуться в Питер уже сегодня. Пару минут я так и намеревалась поступить. Поезд через два часа, успею купить билет и проститься со Стасей, а Ирка деньги пусть сама отвозит. Но тут же возникли угрызения совести. Я ведь приехала сюда, чтобы подругу выручить, слово не воробей, и все такое... Значит, в Питер едем завтра.

Я купила билет, вернулась домой и заглянула к Стасе, но старушка, должно быть, отправилась на прогулку. В результате я оказалась возле телевизора, в легком раздражении и абсолютной уверенности, что это самый идиотский отпуск в моей жизни.

Ирка позвонила около семи, когда я уже отчаялась ее дождаться и всерьез забеспокоилась: если ее планы изменились, вдруг придется здесь задержаться? Ну уж дудки. Так далеко моя готовность жертвовать отпуском не заходит. Голос подруги звучал буднично, без намека на эмоции, но я все равно опасалась подвоха.

— Ну что, — начала она, — Витя ждет. Можешь двигать прямо сейчас. Ты как?

— Сейчас так сейчас.

— Ну и ладненько. Запоминай адрес: Второй Коллективный проезд, дом семь. Заберешь там бабки.

— У кого заберу?

— У меня, само собой, — хмыкнула Ирка. — Будешь подъезжать, звони. Ок?

— Мне как добираться, потайными тропами?

— Зачем? Мы ж замирились. Приезжай на такси и лучше тачку не отпускай, чтоб с баблом по улице не мотаться.

Тут я впервые подумала, что мне куда-то придется ехать с чужими деньгами, да еще на такси. Само собой, об этом я знала и раньше, но меня куда больше волновала встреча с Витей или, боже упаси, с его дружками.

— Слушай, может, Гора меня проводит? — неуверенно предложила я.

— Про Гору я тебе все в прошлый раз объяснила.

— Ему не обязательно из машины выходить. Просто будет рядом.

— Зоська, ты за бабло боишься, что ли? Никто ж не знает, что ты его повезешь. Вите я позвоню, когда ты будешь уже в дороге.

— А если кто-то за мной отсюда увяжется?

— А ты где?

— Дома.

— Есть ощущение, что тебя кто-то пасет?

— Да вроде нет.

— Ну и отлично. Ты, главное, голову не забивай, все будет хорошо, а может, даже лучше. Люблю, целую.

Я еще некоторое время пялилась на экран телефона, чертыхнулась сквозь зубы и направилась к двери. Такси я решила не вызывать. Для начала стоит проверить, есть за мной «хвост» или нет.

Но все оказалось куда хуже. Не успела я выйти из подъезда, как появился Дохлый. Подъехал на машине и лихо затормозил в двух шагах от меня. Пока я прикидывала, как разумнее поступить: скрыться в подъезде или бегом покинуть двор, Арни выбрался из машины с огромным букетом белых роз.

— Это тебе, — сказал с улыбкой, переминаясь с ноги на ногу и гадая, какого приема следует ждать.

Дохлый явился весьма некстати, а его букет был некстати вдвойне: ну куда мне идти с этим колючим веником? В квартиру возвращаться? Если Дохлый проникнет в нее вместе со своим букетом, быстро от него не отделаешься.

— Зря тратился, — сказала я, вздохнув. — Отнеси его Стасе, вернусь — заберу.

— Почему ты не хочешь его взять? — заныл Дохлый, чуть не плача. Права Стася, достали эти братья.

— Арни, я иду по делам и с букетом буду выглядеть нелепо. Сделай одолжение: оставь его бабке или катись вместе с ним. Все ясно?

— Герман был у тебя? — вздохнул он, глядя на меня с видом побитой собаки.

— Был.

— И что?

— Ничего. Твой брат не хочет, чтобы мы встречались. Давай сделаем ему приятное. В любом случае мне надо идти. Пока.

Я сделала шаг в сторону с намерением обойти машину, но Дохлый этому воспрепятствовал:

— Куда ты?

— Я же сказала, по делам.

— Давай я тебя отвезу?

«Почему бы и нет? — подумала я. — Какой-никакой, а мужик рядом».

— Поехали.

Мы сели в машину, и я назвала адрес. Минут пять я неумоимо наблюдала в зеркало за потоком машин у нас за спиной, радуясь, что Дохлый молчит. Оказалось, он просто собирался с силами.

— Зоська...

— Меня, вообще-то, Софьей зовут...

— Извини... Просто я привык и... Герман может говорить все что угодно... Я... Это моя жизнь, и я сам решаю, что мне делать.

— Вот и прекрасно. Делай что хочешь, только не доставай.

— Я тебе безразличен? — с дрожью в голосе спросил он, а я свела глаза у переносицы.

— Дохлый, большая просьба, вспомни, пожалуйста: я была влюблена в твоего брата, а вовсе не в тебя, то есть планов идти с тобой рука об руку у меня точно не было, с чего бы им вдруг сейчас возникнуть? Поэтому ты можешь слушать Геру, а можешь послать его, только сделай милость: оставь меня в покое. Тут наши с Герой желания абсолютно схожи.

— Ты все еще любишь его? — спросил он с печалью.

— Нет.

— Врешь. У тебя голос дрожит, когда ты о нем говоришь.

— Вообще-то, это от злости. Главное, помни, мы с тобой были друзьями. Ими и останемся. Или нет.

— Все дело в моем брате, — благополучно пропустив мимо ушей мои слова, заявил Дохлый. — Если б не он...

— Если бы не он, я влюбилась бы еще в кого-нибудь, но не в тебя.

— Почему? — спросил он с обидой.

— Потому что ты мне еще в детстве надоел, зануда. Куда ты летишь? Здесь свернуть надо.

Само собой, нужный поворот мы проскочили, но в конце концов на Второй Коллективный смогли выбраться.

— Останови здесь, — сказала я, Арни притормозил, глядя на дом в некотором замешательстве.

Ничем не примечательная жилая трехэтажка с одним подъездом. Я набрала Иркин номер и коротко сообщила:

— Я на месте.

— Вижу, — вздохнула она. — Давай в подъезд.

Дохлый продолжал разглядывать дом.

— Ты надолго? — спросил заискивающе.

— Желаешь продолжить содержательную беседу? — съязвила я, выходя.

— Я тебя подожду, — заявил он.

— Не сомневаюсь.

Дверь подъезда была чуть приоткрыта. Я вошла, поднялась по трем ступеням на лестничную клетку, куда выходили двери четырех квартир, и услышала голос подруги:

— Я здесь.

Она стояла возле окна между первым и вторым этажом, а я по пути к ней машинально отметила: подъезд проходной, значит, Ирка все же решила проявить осторожность.

— Нельзя было от него отделаться? — кивнув в сторону окна, где рядом с машиной маячил Дохлый, спросила она.

— Сама попробуй, — фыркнула я.

— Он знает?

— Нет, конечно. Давай бабло и говори адрес.

Ирка придвинула ногой сумку, в таких обычно офисные работники таскают ноутбуки и разнообразную документацию.

— Крупные купюры. Не скажешь, что здесь полно денег. Хочешь взглянуть?

— Зачем? — удивилась я.

— Не знаю. Убедиться, что я не вру.

— А какого лешего тебе врать?

— Ну да... — она потеряла нос. — Витька живет в пригороде. Коттеджный поселок «Сосны». От центра пять минут на тачке. Двадцать шестой дом. Отдашь деньги, сразу позвони. Что-то на душе неспокойно, — хмуро заметила она и поежилась. — Видно, денег жалко. Привыкла я к ним. Можно сказать, сроднились. Но совесть не дремлет...

— И люди твоего Витьки тоже.

— Ага. Хотят меня с денежками разлучить. Ты с Дохлым поедешь? Лучше, чтобы он не знал.

— Он и не узнает. Мало ли куда я еду и зачем. А где Гора?

— Еще с утра умчался по своим делам.

Я была уверена, Гора ждет в машине неподалеку, но обсуждать это не стала.

— Жаль. Мог бы вправить мозги Дохлому. Хотя подъезд проходной, выйдем через двор, а Арни пусть ждет в машине второго пришествия.

Немного подумав, Ирка пожала плечами:

— Да ладно, сэкономишь на такси... — чем еще больше укрепила меня во мнении, что Гора где-то неподалеку. Вот только зачем это скрывать? — Просто не говори ему, что здесь ты из-за меня.

— Не скажу. Что ж, пойду...

— Ага. Надеюсь, все пройдет как надо, вечером увидимся и...

— Напьемся, — подсказала я.

— Вот-вот...

Ирка меня поцеловала, и я, подхватив сумку, начала спускаться по лестнице, а она так и осталась возле окна. Арни, должно быть, настроился на длительное ожидание, мое появление его удивило.

— Куда теперь? — спросил он.

— Надо заскочить еще в одно место. А потом домой. Кстати, я могу взять такси, обойдусь без личного водителя.

— Я только рад... — начал Дохлый. Но я перебила:

— Тему наших взаимоотношений оставим в покое, в противном случае поеду на троллейбусе.

Он нахмурился, но очень скоро разговорился, однако болтал о своей работе и прочей ерунде, мало меня занимавшей, время от времени я кивала или о чем-то спрашивала, создавая иллюзию беседы. Впрочем, длилось все это недолго.

Ирка оказалась права: хотя «Сосны» считались пригородом, путь от центра занял всего десять минут. По мосту мы перебрались на другой берег реки и вскоре увидели указатель, а вслед за этим появились первые коттеджи нового поселка. Выглядели дома солидно, каждый насчитывал не меньше трех сотен метров, однако вместо привычных высоченных заборов радовала глаз зеленая изгородь, заросли туи, кое-где разбавленные боярышником. Въезд на территорию преграждал шлагбаум.

Я повертела головой: ни охранников, ни будки, где они могли бы обретаться. Наше появление ажиотажа не вызвало, никто на встречу не спешил.

— Нужен электронный ключ, — порадовал Дохлый.

— Спасибо, я догадалась. Придется прогуляться.

— Я тебя здесь подожду.

Я молча кивнула, направляясь к калитке рядом со шлагбаумом, достала мобильный с намерением звонить Ирке, чтобы сообщить о внезапно возникшем препятствии. Но калитка, к моему удивлению, оказалась не заперта, и я легко проникла на территорию. Впрочем, если заборов нет, глупо на калитку замки навешивать.

Нужный дом я нашла быстро, воспользовалась планом поселка, висевшим на доске объявлений. Нужно было свернуть налево и пройти метров пятьсот. Дом с черепичной крышей выкрашен розовой краской, невысокое крыльцо, справа пристроенный гараж с подъездной дорожкой, слева клумба, плетистые розы и георгины, возле гаража стоял новенький «Мерседес».

Я поднялась на крыльцо и нажала кнопку дверного звонка. Прошло минут пять, в

продолжение которых я пялилась на дверь без всякого толка. Позвонила еще раз, потом еще. Машина здесь — значит, хозяин должен быть на месте. Хотя неизвестно, сколько у него машин. Придется все-таки звонить подруге, пусть наберет своего Витю и поинтересуется, где его носит. Не очень-то он спешит вернуть свои денежки.

Я уже достала мобильный, но тут обратила внимание на дорожку, которая огибала дом, и, не раздумывая, отправилась по ней. За домом обнаружился участок с зеленой лужайкой, по периметру засаженный туями. Надежная защита от любопытных соседей. Участок примыкал к лесу, высоченные сосны радовали глаз. Должно быть, благодаря им поселок и получил свое название. На лужайку выходила застекленная веранда, дверь была распахнута настежь, но не похоже, что в доме кто-то есть. Уж очень тихо. Я постояла в раздумье и совсем было собралась вернуться к крыльцу, как вдруг услышала:

[Купить полную версию книги](#)